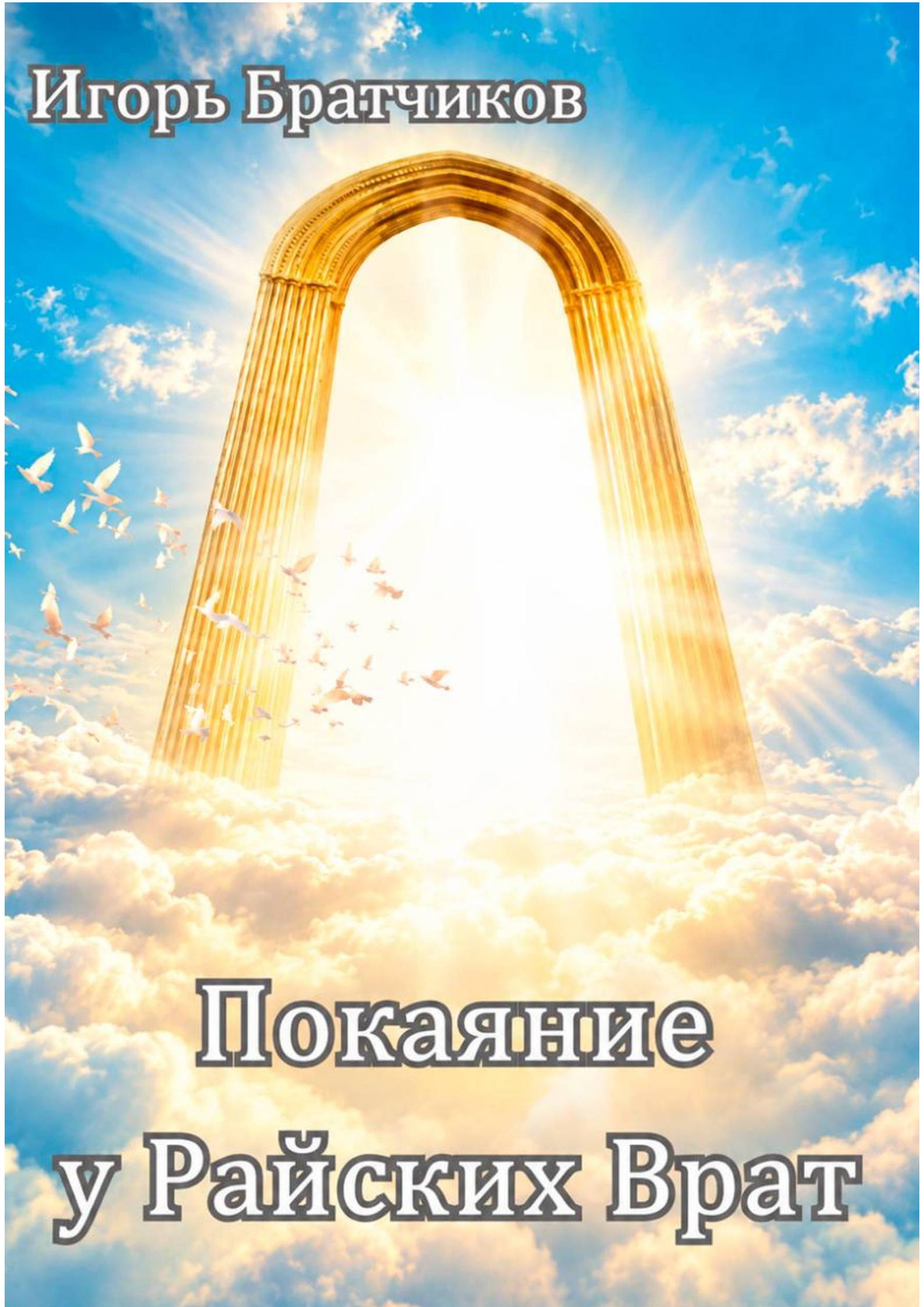




Игорь Братчиков

Покаяние
у Райских Врат

Игорь Братчиков

Покаяние у Райских врат

«Автор»

2026

Братчиков И.

Покаяние у Райских врат / И. Братчиков — «Автор», 2026

Гарик ЗеБра не «родился с серебряной ложкой во рту», однако считает себя везунчиком и счастливчиком. Он молод, горяч, привлекателен и спортивен. Принимал в Москве Жан Клода ВанДамма, встречался с Берни Эклстоуном, владельцем Формулы-1. Взламывал сейф в Лондоне и участвовал в программе «Утро» с Татьяной Веденеевой. Встречался с известным итальянским гангстером Рикардо Фанчини на борту его яхты «Принцесса Кремля». Любил женщин, и они его любили. Роскошная жизнь, жизнь без тормозов. Он ставил цели, и достигал их. Только с любимой с той, с кем он решил связать свою жизнь, не сложилось. Практически стал хулиганом, но Судьба его хранила. Был арестован КГБ, за организацию нелегального клуба, но издаться Фортуна была на его стороне. Уступил приятелю часть своей доли сигарет Мальборо, в огромном бизнесе, и человек пропал навсегда. Участвовал в возведении храма, и теперь колокол с его именем звонит каждый день. Его душа, долго ждала и каялась, и наконец, попала в рай.

© Братчиков И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	7
Часть первая	10
Немного о главном	10
Путешествие сквозь кротовую нору	13
Грехи наши тяжкие	17
The Hughligans { Хулиганы. }	19
Мажор	26
Часть вторая. Единственная	35
Начало	35
Единственная. В полёт	38
«Шалопай»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Игорь Братчиков

Покаяние у Райских врат

Анюте, моей дочери

...это гимн всем представительницам прекрасного пола, а не только тем, которые любили меня и которых любил я...

*Душу, сбитую да стёртую утратами,
Душу сбитую перекатами, —
Если до крови лоскут истончал, —
Залатаю золотыми я заплатами,
Чтобы чаще Господь замечал!*

В. Высоцкий

*А душа, заплатана. Ароматом ладана
Дыры, по заделаны, воском со свечей.
Значит так и нужно нам.
Значит так удобно нам.
Вроде вот он, Божий, я.
А взглядишь, ни чей.*

А. Капка

Чем ярче горят мосты за спиной, тем светлее дорога впереди.
Омар Хайям



Я, Гарик ЗеБра

Пролог

Дорогой читатель, эта книга должна была быть написана первой. Но первой я написал «Фрактал. Осколки», так уж легла фишка. Сердцу не прикажешь. Я ведь не профессиональный писатель. Большую часть жизни проработал в нефтяном бизнесе. В этой книге большинство событий произошло с моим героем Гариком ЗеБра ранее, чем в первой книге. Я пишу эти строки сейчас, когда наша страна осуществляет специальную военную операцию в РУ. Для каждого понятие Родина совершенно разное. Я родился в СССР, и это была моя Родина, одна идеология — Человек человеку — друг, товарищ и брат. То время безвозвратно кануло в лету. СССР распался под давлением Запада и не без предательства внутри страны. Сейчас другая страна, Россия, другой мир и другая идеология. Теперь Россия моя Родина. Для меня Родина-страна, это слишком глобально. Для меня Родина это древний, исконно русский город Архангельск, где Великий Пётр построил первую верфь, порт и набережную на реке Северная Двина. Я здесь родился. За многие годы судьба помотала меня по свету. Но главная мечта была, есть и будет — хоть изредка возвращаться сюда, откуда начал свой путь великий Михайло Ломоносов.

Теперь, когда стало понятно, что мы в военном противостоянии находимся не столько с Украиной, сколько с Европой и США в лице НАТО. Это уже не первое такое противостояние, когда страны Запада пытаются победить, расчленив матушку Россию. И моя малая родина, родной Архангельск уже принимал на свои плечи их дьявольские нападки.

Когда мне было восемь лет, отец взял меня на экскурсию на «остров смерти» Мудьюг. До этого я ничего не знал о существовании этого острова. К папе приехали товарищи по работе из Ленинграда, и эта экскурсия была для них. Мы шли по Северной Двине на малом пограничном катере, выкрашенном в тёмно серую краску, как красили весь Северный флот, под стать погоде и морю. Стояла поздняя осень. Штормило. Накапывал дождь. Дул северный ветер и волны перехлёстывали через полубак. Некоторым из делегации стало плохо. Остров расположен в 60 километрах от Архангельска, недалеко от устья реки. В летнее время сюда можно добраться только по воде. Зимой по льду. Экскурсовод предупредила — На острове много гадюк. Возьмите палки и смотрите под ноги. Первое, что я увидел, сойдя с катера на песчаный берег, были две огромные пушки, направившие свои жерла в море. Одна из них сильно накренилась, проломив деревянное основание, на котором была установлена. Это были пушки большого калибра для обороны острова с моря. Они были без защитного щита, только длинные стволы на лафете и постаменте. Я не знаю, какого калибра были эти орудия. Папа поднял меня, чтобы я заглянул в ствол одного орудия, и голова восьмилетнего мальчишки туда свободно поместилась. Раньше здесь была полноценная береговая батарея. Сюда в августе 1918 года подошла эскадра английских кораблей. Это была первая «ласточка» Антанты, впоследствии к ней прикнули ещё 13 западных стран. Началась интервенция. Операция готовилась скрытно не один год. Как и сейчас в Украине. Это обычная практика Запада, прикрываясь демократией и красивыми словами о правах человека, творить свои грязные делишки.

Мудьюг — остров с трагической судьбой. Здесь во время гражданской войны был создан концентрационный лагерь для пленных русских. Лагерь на острове Мудьюг — единственный, сохранившийся в России со времён первой мировой войны.

За всё время, что существовал лагерь, через него прошло около 1200 человек. Более 200 человек погибли от пыток, болезней, голода и нечеловеческих условий для жизни. Неизгладимую память в моём детском сознании на всю жизнь оставили три таблички, увиденные мною на «острове смерти». Первая у покосившегося от времени домика, с полусгнившей крышей **«Домик пыток — помещение трибунала. Здесь замучены многие узники ссыльно — каторжной тюрьмы»**. От второго здания остались практически развалины поросшие мхом.

Надпись на табличке гласила **«Здесь была досчатая баня для заключенных. Зимой во время мытья на полу образовывался слой льда до 15 сантиметров»**. Как пояснила экскурсовод — Воду для мытья не грели. Ни летом, ни зимой. Заключённые были вынуждены мыться в крайне тяжёлых условиях Севера холодной водой. Многие заболели и умирали. Хоронили их тут же в братских безымянных могилах, которые они сами и рыли. Надпись гласила **«Здесь покоятся останки сотен Советских патриотов-узников ссыльно — каторжной тюрьмы на острове Мудьюг. 23 августа 1918, октябрь»**. Архангельская губернская тюрьма, приняла с августа 1918 по ноябрь 1919 года почти десять тысяч заключённых. Всего за период интервенции на Севере через тюрьмы прошло более пятидесяти тысяч человек. С каждым месяцем число заключённых росло. Интервенты и белогвардейцы стали действовать ещё жестче. Наказанием был либо расстрел, либо каторга. Первый концентрационный лагерь был создан на острове Мудьюг, сначала как лагерь для военнопленных и политзаключённых, позже стал работать как ссыльно — каторжная тюрьма. Мы ещё час бродили по острову среди траншей, разрушенных дотов и поваленного забора из ключей проволоки, постояли у обелиска, установленного в честь павших и замученных воинов. Весь лагерь, домик для пыток, баню, барак и забор строили сами заключённые. Лучше всего до наших дней сохранился деревянный барак, где жили заключённые. Двадцать метров в длину и двенадцать в ширину, с двухскатной крышей без чердака. Двойные деревянные нары шли одним настилом. Каждое место отделено от соседних — доской. Ширина между досками 40 сантиметров. Не повернуться. Сыро, грязно, мрачно. Никаких матрасов, простыней и подушек. Спали на голых досках, Ночью под ногами слышался треск паразитов. Мы осмотрели кладбище, которое тогда ещё хорошо сохранилось. Здесь были захоронены сотни замученных и расстрелянных узников. Весь этот остров окружала дивной красоты природа. Корабельные сосны, голубые ели, знаменитые красавицы — карельские берёзы и смешанный лес. Всё это было окружено морем. И было странное ощущение как возможно это сочетание красоты и ужаса. Нарочно не придумаешь.

Осенью на Севере короток день. Мы двинулись к ожидавшему нас катеру. Всё также дул холодный ветер с моря, дождь усиливался. Я стоял на корме и смотрел на удаляющийся остров, который оставил в моей детской душе незабываемые впечатления, рану на впечатлительном сердце. Сквозь дождевые капли, в последних лучах солнца я увидел покосившееся орудие, смотрящее в мрачное небо. Мне вдруг показалось, что это нож, воткнутый в землю. В Святую русскую землю «острова смерти», олицетворяющую для меня сейчас мою малую Родину.

Мы отходили всё дальше и дальше от берега. На «острове смерти» Мудьюг остались только гадюки, стерегущие и прах и память тех, которые сами выкопали себе могилы и отдали свои жизни за Россию и Свободу.

Ирония Судьбы. Легендарный парфюмер Эрнест Бо, создатель знаменитых французских духов Chanel No. 5 родился и вырос в Москве и сделал карьеру в российской косметической фирме Rallet & Co, принадлежащей его семье, поставщике двора Его Императорского Величества Николая II, где он, в молодом ещё возрасте создал несколько известных коммерческих марок. В первую мировую войну он был призван в армию, а после не смог вернуться к любимому делу — Октябрьская революция лишила его и положения, и имущества. В апреле 1919 года он перебрался во Францию, но прежде чем окончательно завершить с войной, лейтенант Бо, на короткое время оказался в Архангельске, где служил в военной контрразведке главного штаба верховного командования союзных войск и курировал лагеря содержания военнопленных, в том числе на «острове смерти» Мудьюг.

Фирма Chanel выпускает на рынок десятки наименований своих ароматов. Уверен, что 99 % французов не знают, что их самые известные духи Chanel N5, которые носили и носят — мадемуазель Коко Шанель, Мэрилин Монро, Катрин Денёв, Николь Кидман и сотни тысяч

простых женщин по всему свету, были преподнесены им в подарок Российским парфюмером Эрнестом Бо.

Виват Россия!

Часть первая

Немного о главном

После ухода моих родителей в мир иной, я всё чаще стал задумываться о душе. Есть ли она? Как её зафиксировать? Найти? Если же её нет то, как объяснить события, которые происходили при уходе моих родных? Об этом я подробно писал в своей первой книге «Фрактал. Осколки». Вопросы, вопросы. Они не давали мне покоя. Терзали мой мозг, но не мне одному.

В последнее время всё чаще и чаще просвещённое человечество задумывается о таком понятии как душа человека. Знаменитый реаниматолог из Латвии, Петерис Клява, убедился, что есть жизнь после смерти — ... и, возможно, от нас зависит то, какой она будет. Петерис приводит случай из практики.

Операция. У пациентки клиническая смерть. Кома. Позже Ольга вспоминала — моя душа покинула тело через затылок. Пять дней Ольга видела своё тело сверху. Все органы: сердце, печень, почки, кишечник, все кости и суставы. Всё как в рентгене. Оно как будто светилося изнутри. К концу пятого дня свечение померкло, органы престали визуализироваться. После реанимации и успешной операции душа вернулась обратно через затылок. Тело приняло свой обычный «земной» вид.

Для души лучше всего, что бы тело умирало в специальных местах, которые существуют на планете — там где, к примеру, покидали этот мир святые.

В Индии есть специальное место. Это город Варанаси, который считается священным центром Индии. Индуистские паломники совершают здесь похоронные обряды и омовения в водах священного Ганга. Здесь производят кремацию людей готовых уйти в мир иной. После сжигания тела на костре пепел сбрасывают в Ганг, туда же опускают тела беременных женщин вместе с плодом во чреве, которые по какой-то причине покинули эту бренную землю.

Карелия. 1894год. Над захоронениями стоят избушки на «курьих ножках». На самом деле это действительно ножки окуренные дымом ритуальных погребальных костров. На сороковой день родные усопшего должны отпустить его душу, что — бы она не задержалась на земле. Вначале, душа, покинув тело, блуждает в потёмках, как в аду, не зная своего пути. Ей надо помочь обрести покой и светлый путь. Родственники усопшего не должны присутствовать при этом, лучше, что бы обряд провели служители церкви. Это надо для того что — бы душа не тосковала по возможности возвращения к родным. Гарри Шварцем, профессором Йельского университета США были проведены многочисленные опыты, на дорогостоящем и очень сложном оборудовании, по возможности общения с душами умерших людей. Испытуемых вводили в транс, и они общались с душами находящимися в другом (параллельном) мире. Причем это были не души их родственников или знакомых. Конечно, подобные эксперименты нельзя назвать полностью достоверными.

Экспериментально доказано, что в абсолютной темноте тело человека светится. Причём глаза, в спектральном анализе, светятся синим цветом. После смерти человека свечение постепенно уходит и через три часа пропадает совсем. Если совершено самоубийство — свечение гаснет мгновенно. Если же смерть наступила во время сна, то свечение тела уходит значительно медленнее, в течение пятнадцати часов. Всё это связывают с покиданием души тела человека при разных случаях ухода из жизни. Вот поэтому Церковь не отпевает самоубийц. Считая самоубийство грехом, ведь Создатель даровал нам жизнь вечную. Теперь понятно, что даже душа стремится мгновенно покинуть грешное своё обиталище.

Последние исследования убедительно доказывают, что такая материя как душа существует. Исследователи направили свои усилия на фиксацию кино и видео камерами таких явле-

ний. Так многолетние видео наблюдения документально зафиксировали душу (приведение) в Гольшанском замке в Белоруссии, которую называли Белая Дама.

Подтверждение жизни после смерти мы находим и в древних манускриптах, главный из которых Библия. В Ветхом Завете, в Книге Премудрости Соломона говорится о жизни после смерти. В Премудрости 2 прямо говорится: «... Но эти нечестивцы ошибаются; они не знают, что Бог создал человека для *бессмертия*, что для Бога не существует смерти, которая завистью дьявола вошла в мир».

Сейчас в медицине получила развитие регрессивная терапия, когда пациента вводят в легкий гипноз и голосом «праведника из прошлого» ему говорят — Иди туда, где случилось горе, ты потерял своего близкого, исправь ошибку из прошлой жизни. Забери заблудший «осколок» души его затерявшийся там и верни его в жизнь настоящую.

Особый интерес вызывают мытари — неприкаянные или не упокоённые души, которые зависают между мирами не находя себе пристанище. Родные должны постараться помочь врачам-психотерапевтам, которые специализируются на регрессивной терапии, отпустить душу умершего, близкого человека

Индия, Гималаи, окрестности города Харидвар. Паломники со всего света собираются здесь на духовные практики в город ашрамов Ришикеш. Здесь практикуют регрессивный гипноз, позволяющий человеку попасть ... в свои прежние воплощения. Паломники отмечают исключительную тишину, чувствуешь себя будто ты дома, регрессия сама запускается тут. В мозгу всплывают флэшбэки, стираются границы, наступает освобождение. В Индии телу дают при рождении одно имя, а душе — другое. По индийской философии мы рождаемся что бы сделать нашу душу чище, лучше, добрее, отзывчивее и в результате выбраться из круга сансары, этого круговорота рождения и смерти, ограниченных кармой, в результате избавиться от своих прошлых кармических действий, которые являются частью «сети сансары».

В тибетском монастыре Менри монахи разработали специальный ритуал перехода души в иной мир воздействуя на определённые чакры на теле человека.

Шаманы Южной Америки, как никто на планете овладели искусством регрессии и являются ходоками из мира живых в мир мёртвых и обратно. Они могут вернуть душу с того света, через ритуалы ввергнуть душу в летаргическую смерть. Конечно, всё это требует более серьёзного подтверждения и исследования.

Душа. Так всё же есть она или нет? А если есть, то где обитает, как её ощутить, распознать, запечатлеть, найти, почувствовать? Учёные уже более века бьются над разгадыванием «душевной» тайны, в частности биолог из США, Дункан Макдугал, положил на весы больного туберкулёзом, на последней стадии, и решил взвесить его душу. Через 3 часа 40 минут, в момент кончины пациента, стрелка весов показала отклонение в весе 21 грамм. Биолог опубликовал своё открытие, но научный мир не спешит с ним соглашаться. Множественные эксперименты были проведены по определению веса души. Исследователи из Академии наук Литвы получили 6,5 грамм. Петербургские специалисты под руководством профессора Константина Короткова из национального исследовательского университета ИТМО создали специальный аппарат, который фиксирует, как душа покидает тело человека. Опыты длились год и проводились в городском морге. Остановились на цифре 22.0 грамма. Как видим результаты не коррелируют и значительно разнятся. А что вы хотите! Мы же пытаемся узнать вес субстанции, которую никто не видел и которой никто не касался. Многочисленные попытки провести подобный эксперимент терпят неудачу, но учёные продолжают свои поиски найти и измерить вес души.

Наверное, материализм умер! Нейрохирург из США, доктор Эбин Александер, впал в кому, ему констатировали клиническую смерть от бактериального менингита. Вот, что он говорит — Я, никогда не верил в посмертное путешествие, пока не оказался в нём сам. Я был освобождён медленным вращающимся спокойным светом, который сопровождала красивая мелодия. Это было Совершенство, это был идеальный мир. Я чувствовал энергию тысяч и тысяч

душ, которые там находились. Мой мозг умер, думал я — Он сильно повреждён инфекцией, просто не работал, он должен был умереть. Могли ли это быть галлюцинации? Я уверен, что нет! Мой мозг, по сути, был убит бактериальным менингитом. Моя история болезни говорит о том, что мой мозг должен был умереть, всё это время он просто не работал. Но я выжил.

Душа всё-таки существует и она бессмертна, так думает профессор Роджер Пенроуз. Он убеждён, что душа наша это информация, которая копится внутри микротрубочек головного мозга и она измеряется в квантах, а не в граммах. После смерти человека она не стирается, а навсегда сохраняется во Вселенной.

Для учёных и настоящих фанатов телепатии, телепортации, ясновидения, жизни после смерти и прочих паранормальностей профессор Роджер Пенроуз почти икона. Однако Роджер Пенроуз является иконой не только для учёных. Для настоящих фанатов этих всех «паранормальностей» он — истина в последней инстанции. Величина. Гуру.

В Великобритании выдающимся соотечественникам принято давать дворянское звание «рыцарь» и титул «сэр». Одним из счастливых обладателей этих регалий является выдающийся математик и физик Роджер Пенроуз. По силе ума и одарённости многие сравнивают его с самим Эйнштейном: то, что он делает в физике и математике, так же невероятно и гениально. Вот уже более десяти лет он атакует одну из величайших тайн природы — тайну разума. Его последние разработки в области квантовой теории сознания позволяют предположить существование жизни после смерти. Он доказывает, что есть определённые сферы, задачи, вопросы, с которыми никогда не сможет справиться ни один самый мощный суперкомпьютер. А вот нашему мозгу любые задачи по плечу. То есть наш мозг гораздо мощнее любого компьютера. Пенроуз называет это удивительное качество «не вычислительной активностью мозга».

Что есть душа? Чтобы дать ответ на этот вопрос, учёный должен был, на что-то опираться. Его столпом стала квантовая теория сознания. Противоречия между теорией относительности Эйнштейна и квантовой физики вывели учёного на принципы работы мозга, точнее на его квантовую природу. Коллега Пенроуза профессор анестезиологии и психологии университета Аризоны, а также директор Центра изучения сознания Стюарт Хамерофф пошёл ещё дальше и развил идеи Пенроуза: мозг это натуральный квантовый компьютер, сознание человека — его программное обеспечение, а душа — информация, накопленная на квантовом уровне.

Теперь внимание — квантовая информация не может быть уничтожена! Вывод: после смерти тела информация сливается с Вселенной, где может существовать бесконечно долго. Согласно теории Стюарта Хамероффа человеческая душа бессмертна, а загробная жизнь существует! Поскольку мозг человека это «квантовый компьютер», значит после смерти квантовые частицы, из которых состоит душа, покидают тело, навсегда становясь частью Вселенной. Если представить, что пациент воскреснет, считает профессор-анестезиолог Хамерофф, то душа возвращается из космоса с соответствующими воспоминаниями. Что и произошло в частности с американским профессором — нейрохирургом Эбином Александером и было описано выше. Именно поэтому человек, переживший клиническую смерть, рассказывает о тоннеле, ярком свете, музыке и как он выходил из своего тела.

Профессор Роджер Пенроуз неоднократно посещал Россию с лекциями и семинарами в СПбГУ, МГТУ им. Баумана и Политехническом музее в Москве, где знакомил слушателей со своими научными подходами.

В 2020 году Роджеру Пенроузу была присуждена Нобелевская премия по физике.

Серьёзные эксперименты. Большие учёные. Многолетние, кропотливые исследования. Надеюсь, что вскоре мы получим стопроцентное доказательство феномена, под именем Душа.

Путешествие сквозь кротовую нору

2040 год. Турция. Мерсин. Жилой комплекс LIPARIS-5. С огромного балкона открывается потрясающий вид на море, горы и весь в белом, город-красавец Мерсин. Я полулежал в кресле, стоявшем на балконе. В моих глазах не было ничего, кроме усталости. Усталости от жизни. А она была у меня прекрасной. Реальная, Grise Life. Ключевое слово здесь БЫЛА. Когда то давно Павел Глоба, составляя мне персональный гороскоп, говорил — Верьте своим снам. Они у вас вещие. И прислушивайтесь к подсказкам интуиции.

Сегодня ночью мне приснился сон. Два ангела с ликами моих папы и мамы спустились с небес, сели рядом со мной на красивую скамейку окружённую розами в нашем дворе. Они обняли и поцеловали меня. Сказали, что я неважно выгляжу, и они очень беспокоятся и переживают за меня. Кроме этого они скучают без меня. А в это время на нашу лавочку лился сверху такой чистый изумительно прозрачный свет, похожий на свечение. Я ответил, что я тоже очень соскучился без них. Они взяли меня за руки, и мы все трое вдруг растворились в этом небесном сиянии. Я проснулся и отчётливо понял, что сегодня умру. Три дня тому назад мне стукнуло 90! Возраст прямо скажем более чем солидный. Когда-то давно, тот же Павел Глоба напроорочил мне совсем другой, более ранний уход. Но, я всегда и всё стараюсь делать по жизни по своим планам. Тогда я расстроился и поклялся сам себе, что доживу до 90 лет. Не знаю, почему не до 100 или 80. Может просто эта цифра легла мне на сердце, как рукоятка, сделанная по спецзаказу оружия, ложится в ладонь профессионального киллера. Возраст достойный моей прожитой жизни. И дело было не в обычных симптомах старого человека. Да, как обычно болели суставы. Жгло за грудиной, отдавая в левую руку и шею. Сильно ныло сердце. Но к этим ощущениям я уже привык. И надо держать удар. А это я всегда умел делать лучше всего. Я ведь по гороскопу Скорпион. А значит, возрождаюсь из пепла! Но сейчас, проснувшись, я вдруг понял, сон, что называется в «руку». Я отчётливо, пронзительно осознал, что хочу на небо. Туда, где были души моих ушедших любимых родных. Это желание, оказаться на небе, росло, увеличивалось в размере вширь и вглубь. Занимая весь мой мозг и каждую клеточку тела, не оставляя ни малейшего шанса подумать, о другом. И я не стал этому противиться. Я улыбнулся блаженной улыбкой усталого от жизни, но счастливого человека. Мой взор затуманился, дыхание стало слабеть, пульс замедлился. Пришло успокоение. Настала отрешённость. Уже совсем скоро — Понял я. И опять погрузился в сон...

Утром меня разбудила пара истребителей F-35 Lightning II, которые регулярно летают в этом районе Средиземного моря. Они базируются недалеко от нас, на турецкой авиабазе Инжерлик. Машины пролетают так низко, что можно разглядеть в кабине голову пилота в шлеме. Грохот ужасный, но зрелище того стоит. Я проснулся. Я был счастлив. Страх не было. Время пришло собираться в последний путь. Я позвал свою жену Аксинью, которую любя называл Ксюха, что бы она помогла мне подняться с постели и одеться.

И вот теперь я полулежал на балконе в своём ротанговом кресле, ноги мои лежали на мягкой подставке. Напротив, за столом на восемь персон, справа и слева от меня сидели мои ангелы хранители, мои мама и папа. Я их видел совершенно реально. Родители практически не изменились со дня их ухода. Они посмотрели на меня со смущением и немым вопросом. Мы взяли за руки и полетели.

Сначала мы оказались в том самом туннеле, который описывают те, что попали сюда в момент клинической смерти. Действительно длинный туннель, как труба газопровода, только большего диаметра с точкой света в дальнем конце. Мы преодолели его полностью и выбрались наружу. Отрываясь от грешной Земли, я увидел старика на балконе пентхауса, точнее его брентную физиологическую оболочку, полулежащую в кресле. Высота увеличивалась и старик, а затем и весь комплекс превратились в маленькую точку, которая постепенно исчезла из вида...

Затем скорость увеличилась, наша троица набирала высоту стремительно. Мы неслись как луч лазера, выпущенный из гипербалоида инженера Гарина в одноимённом романе Алексея Толстого. Скорость нарастала. Наша тройка мчалась по Вселенной, пока ещё в нашей Солнечной системе. Вот мимо проплыла спутница Земли — Луна. Её круглый, бледный как у мертвеца лик, был испещрён «оспой», это её кратеры, как дырявый сыр «Маасдам» образовались в результате бомбардировки метеоритами, которые сбрасывает со своей орбиты газовый гигант Юпитер.

Юпитер самая большая планета в Солнечной системе, в одиннадцать раз её радиус больше радиуса Земли, а масса Юпитера больше земной в триста раз! Юпитер, имеет очень сильное магнитное поле, под его воздействием орбита нашей матушки Земли меняется, превращаясь в эллипс, что в свою очередь ведёт к серьёзному изменению температуры и как следствие грозит нам глобальной катастрофой. Юпитер, как магнит, притягивает астероиды и метеоры из дальнего космоса, которые он время от времени нервно «стряхивает» со своей орбиты и они устремляются к Земле. Всё это страшно пугает наших астрономов. Вдруг какой либо из небесных тел, промахнётся мимо Луны и «треснет» по нашей такой голубой, такой перенаселённой и всё же такой прекрасной Земле. Но, Луна, эта вечная спутница Земли встаёт щитом на их пути и как Александр Матросов, закрыл собою амбразуру дзота, Луна закрывает Землю от этого гигантского «камнепада». В результате чего, спутник Земли, получает эти ужасные отметины.

А мы всё неслись и неслись. Вот промелькнул красномордый жарко-холодный Марс, пленяющий и манящий всё человечество возможностью освоения, а значит и жизни на нём. Основатель Space X, Илон Маск, в ходе видеоконференции Mars Society Convention 2020 заявил, что созданная его корпорацией ракета Starship в 2024 году может отправиться к Марсу. Правда, позднее откорректировал, что колонизация красной планеты возможна не ранее 2028 года. Поживём увидим... Пока же, моей душе, пришла на ум популярная песня молодости «И на Марсе будут яблони цвести!», написанная Евгением Долматовским в далёком 1963 году. Уже тогда, в СССР, мы мечтали о полёте на эту загадочную красную планету. 2 декабря 1971 году на поверхность Марса приземлился космический аппарат Марс-3, с первым советским марсоходом на борту. Как говорил Леонид Быков герой фильма «В бой идут одни «старики»: «Не могЁм, а мОгем!».

Но затем пришла Перестройка...

Я не помню, сколь долго продолжался полёт нашей троицы. Внезапно нас стало затягивать в огромную воронку, которая нас поглотила, и мы снова оказались в туннеле. Он был грандиозен: переливающийся, искрящийся и вращающийся белый ствол, необычная спокойная музыка, которая не походила ни на одну земную мелодию. Туннель показался мне огромным или это моя душа была слишком мала по сравнению с ним. Мы летели в нём довольно долго. Это оказалась «кратовая нора».

Кратовая нора, кратовина или червоточина, это топологическая особенность пространства-времени, представляющая собой в каждый момент времени «туннель» в пространстве. Кратовые норы согласуются с общей теорией относительности. Кратовые норы бывают проходимые и непроходимые. Область вблизи самого узкого участка кратовой норы называется «горловиной». Кратовины бывают также «внутримировые» и «межмировые», в зависимости от того, можно ли соединить её входы кривой, не пересекающей «горловину». Проходимая «внутримировая» кратовая нора даёт гипотетическую возможность путешествий во времени. Кратовые норы гипотетически могут создавать возможность для межзвёздных путешествий. Возможность связи между параллельными вселенными была названа путешествием между вселенными. Согласно теории американского профессора астрономии Ави Леба первопричиной стали с испытаний сверхмощного ядерного оружия, которое проводил СССР на Семипалатинском ядерном полигоне и США на аналогичном полигоне в штате Невада. Атомные взрывы

на Земле провоцируют создание порталов в другие вселенные. Всё начинается с маленького атома, но чем больше взрывов, тем сгусток энергии увеличивается в размерах и затем превращается в портал между мирами. Просуществовав некоторое время, портал закрывается и улетает в другие галактики. Частица, возвращающаяся из будущего, возвращается не в свою исходную вселенную, а в параллельную вселенную. Это говорит о том, что машина времени на основе кротовой норы является теоретическим мостом между одновременными параллельными вселенными.

Простой способ представить себе кротовые норы — взять лист бумаги и нарисовать две отдалённые точки на одной стороне листа. Лист бумаги представляет плоскость в пространственно-временном континууме, а две точки представляют расстояние, которое необходимо пройти. Однако теоретически кротовая нора может соединить эти две точки, если сложить эту плоскость так, чтобы точки касались друг друга. Теперь карандашом пробиваем отверстие, соединяя эти две сложенные одна на другую точки, и получаем «туннель» или кротовую нору. Поскольку две точки теперь соединились, то пересечь расстояние намного быстрее и легче.

Время в кротовой норе останавливается, а пространство растягивается. Ни один физический предмет не может пройти сквозь неё, но душа не материальна и она свободно её преодолевает. Кротовая нора соединяет параллельные миры. Реальный физический мир составляет только четверть вселенной, остальной тёмный мир, невидимый для нас. Сегодня человечество смотрит на небо как дикарь на интернет. Может ли человек контактировать с тёмной материей и параллельным миром? Ответа нет. Но учёные продолжают работу над этим феноменом.

Преодолев кротовую нору, мы оказались в открытом Космосе. Открытый Космос совсем иной. Масса всех звёзд и планет, это всего одна десятая от массы всей Вселенной. Астрофизики утверждают, что ангелы и Святые приходят к нам из открытого Космоса в виде светящихся шаров, которые затем превращаются в них. Всё здесь поражаало красотой и необычностью: звёзды сияли, планеты были диковинные, тут не было ни Большой и малой Медведиц, ни созвездия Ориона, ни Юпитера с Сатурном, Марсом и Млечного пути. Изредка, вдалеке с быстротой молнии, проносились корабли обитателей далёких Галактик, вращались астероиды, виднелись мрачно мерцающие Чёрные дыры.

В конце путешествия, точнее полёта, мы оказались у цели. Это было что-то вроде белой, очень высокой и бесконечно длинной стены сотканной из тумана или облаков. Эта стена как будто дышала, она всё время находилась в каком-то неуловимом движении. Это было завораживающе! Только в одном месте, куда меня доставили души моих родителей, мои ангелы-хранители, сияли Врата. Величественные, тоже сотканые, как и стены из тончайшей пелены. Они были великолепны. Мои спутники попрощались с моей бестелесной оболочкой и исчезли. Поскольку Врата были закрыты, моей душе приходилось ждать. Конечно, это были Врата Рая, куда же ещё меня могли доставить мои ангелы-хранители! Но, душа моя здесь оказалась не одна. По обе стороны от Врат, парили четыре бестелесные фигуры с крыльями. Это были Херувимы — ангелы второго чина, первой триады ангельских сил. После грехопадения Адама и Евы и их изгнания из рая, Херувимам было поручено охранять путь к древу жизни в райском саду: «И изгнал Адама, и поставил у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (Быт. 3:24). «Имя Херувима означает — великое знание. Вместе они имели двенадцать крыльев, как указание на чувственный мир, двенадцать знаков Зодиака и определяемый ими ход времен. Изображение херувимов имеет символическое значение: лицо является символом души, крылья — служения и действия возвышающихся слева и справа сил, а уста — гимн славе в непрестанном созерцании» (кн. 5, VI/ 35/ 6–7; 36. 3–4). Херувимы всегда охраняют Врата Рая. Они имеют не одно, а сразу четыре лика, смотрящих в четыре стороны: человеческий, орлиный, бычий и львиный.

Изредка, в этих Вратах открывалось, что-то наподобие маленького окошечка, куда влетала чья-то душа. Сами Врата не распахивались, видимо они открывались по торжественным

случаям, для выхода Всевышнего. Мою душу, душу Гарика ЗеБры, внутрь пока не приглашали. Наверное, Спаситель пока не решил, достойна ли она пропуска в Райские Кущи. В этот момент в моей душе зазвучала мелодия. Это был куплет из песни, несравненного Александра Вертинского, которую маэстро спел в 1952 году.

— И, меняя легко свои роли и гримы.
— Растворяясь в печали и жизни чужой,
— Я свою — проиграл, но зато Серафимы
— В смертный час прилетят за моею душой!

Всё верно. Если Создатель решит, что моей душе можно в райские кущи, значить за ней прилетят Серафимы. В ожидании вердикта Всевышнего моя душа расположилась под красивым кустом, отдалённо напоминающим розарий, только гораздо красивее и необычнее. Этот розарий тянулся вдоль всей стены и скрывался из виду. Моей душе ничего не оставалось кроме Покаяния пред Всевышним, с надеждой, что он примет его, отпустит мне все мои земные грехи. Последует приглашение туда, куда все люди на Земле, мечтают попасть после своей кончины, и это маленькое окошечко откроется и для моей души.

Итак, в моём подсознании снова закрутился Калейдоскоп воспоминаний. Воспоминаний о содеянном в мирской жизни, в этой обители греха. Об удовольствиях и наслаждениях, о жизни праздной, и жизни в заботе о хлебе насущном, об испытаниях, победах и поражениях.

Первым делом, моей душе предстояло разобраться, какие бывают грехи, различной ли они тяжести и сколько их.

Грехи наши тяжкие

Доказано и подтверждено ходом всей истории человечества — нет безгрешных людей, как не бывает прилива без отлива и ночи без дня. Первородный (прародительский) грех совершили, находясь в Эдеме, прародители Адам и Ева, искушаемые дьяволом, они вкусили от запретного плода, по своей воле. Последствием нарушения запрета стали повреждённость природы человека, изгнание из рая, утрата доступа к древу жизни и *смерть*. В формальном понимании грех заключается в ослушании Божьей воли, нарушении запрета «от дерева познания добра и зла не ешь от него» (Быт. 2:17). Суть первородного греха заключается в принятии Адамом и Евой высокомерной мысли «будете как боги» от змия. Той же самой мысли, которая возникла у херувима Денницы, перед тем как он стал дьяволом, там она выразилась словами «буду подобен Всевышнему».

Грехи бывают разные, тяжкие и не очень. Проступки, которые многие принимают за грех. Бывает грех во имя победы справедливости. Тогда как к нему относится? Это как святая ложь. Такая ведь существует.

Очень точно о грехе выразился Роберт Пенн Уоррен, в своём напумевшем романе «Вся королевская рать», который был удостоен Пулитцеровской премии 1947 года. Это история жёсткого политика, не брезгующими никакими методами для достижения своих целей; в основу книги легла биография губернатора штата Луизиана Хью Лонга. В 1971 году роман был экранизирован в СССР. Блестяще сыгравший роль губернатора, Георгий Жжёнов, устами своего героя Вилли Старка очень точно подметил — Человек зачат в грехе и рождён в мерзости, путь его — от пелёнки зловонной до смердящего савана. Ищи. Всегда что-то есть.

Понятия смертных грехов восходит к Новому завету — Первому посланию от Иоанна — Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь, то есть согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он молился.

Семь смертных грехов — круги Ада: гордыня, жадность, гнев, зависть, похоть, обжорство и лень. Семь смертных грехов, а также непростительный грех (богохульство) противостоят семи добродетелям. Но, ни о них пойдёт речь. Также в западных христианских традициях, как поступки достойные сожаления порицаются грехи, которые вызывают к Небесам о мести.

Издревле, маститые художники, скульпторы, поэты и писатели посвящали свои творения этой теме. В 1480 году Иероним Босх создал выдающееся полотно «Семь смертных грехов и четыре последние вещи». В том же XV веке, в рукописи Уолтерса было опубликовано Фолио «Святой дух и семь смертных грехов». Позже в 1819 году французский художник Жан Огюст Доминик Энгр назвал одну из своих картин «Паоло и Франческа», которых «Ад» Данте описывает как проклятых за прелюбодеяние. В 1896 году швейцарский художник и график Альберт Анкер, рисует свой натюрморт «Излишество», отражающий грех — чревоугодие. Множество фильмов разной эпохи посвящены этой теме. Знаменитый немецкий драматург, поэт, прозаик и театральный деятель Бертольд Брехт совместно с композитором Куртом Вайлем в 1933 году поставили балет «Семь смертных грехов».

И вот теперь моя душа, примостившаяся под райским кустиком, ещё не исполнившая Покаяния, не прошедшая Чистилища и не совершившая реинкарнацию, ожидала от Создателя решения о своей дальнейшей судьбе. Воспоминания, как рой пчёл кружатся у летка улья, кружились в моей душе, создавая удивительный эффект радуги. Ведь радуга на самом деле круглая, а не полукруглая как мы привыкли её видеть на Земле. Последние видео и фото, сделанные с международной космической станции, это убедительно доказывают. Сейчас же, душа моя выхватывала некоторые из них, из этого прекрасного круга, где воспоминания менялись с калейдоскопической быстротой. Отслеживала их, по мере того, как эти виртуальные картинки

становились всё более чёткими, приближая воспоминания, которые в этом случае становились особенно яркими и отчётливыми. Моя душа, душа Гарика ЗеБры, решила посетить те места, которые она считала наиболее значимыми из его многогранной жизни. Она приняла решение, совершить Покаяние в этих местах за самого Гарика, поскольку он не сделал этого при жизни, а теперь не мог совершить это физически. В её возможности и желании было совершить, что-то вроде паломничества по местам жизни Гарика, где поступки его были не всегда правильными. Побывать там. Покаяться и попросить прощения у людей и Господа, за проступки которые Гарик совершал, часто не задумываясь над тем, что творит. Его главными грехами, как считала душа, были гордыня, гнев, похоть.

Только один момент, при его жизни, по мнению самого Гарика ЗеБры и его душе сейчас, не давал покоя — Почему хулиганство, не встало в один ряд с семью смертными грехами? Ведь от этого зла погибло, было покалечено множество людей, включая детей, женщин, стариков? Причём это были, в основном, безвинные люди. В этом необходимо было разобраться.

The Hughligans{Хулиганы.}

Откуда же всё началось, хотя бы в первом приближении? А может быть это, были какие-то особенные люди? Почти неприкасаемые, с «голубой» кровью? А содеянное этими людьми было не столь опасно и трагично? Не было столь пагубно для человека, как остальные семь?

Название представляет собой каламбур, от Хью и хулиган, по словам лорда Хью Сесила (позже лорда Квиксвуда), одного из лидеров фракции консерваторов. Хьюлиганы были группой депутатов, недовольных руководством лидера консерваторов Артура Бальфура. Сесил был младшим сыном предшественника Бальфура на посту лидера консерваторов, маркиза Солсбери.

Уинстон Черчилль был «заводилой» этой группы и другом Сесила, вплоть до своего ухода из Консервативной партии в 1904 году. В парламенте, в начале карьеры, он ассоциировался с фракцией консерваторов во главе с лордом Хью Сесилом и “the hughligans.” Во время своей первой парламентской сессии, Черчилль выступал против военных расходов правительства и предложения Премьер-министра Джозефа Чемберлена о повышения тарифов, которые предназначены для поддержания экономического господства Великобритании. Что бы спровоцировать Чемберлена, Уинстон и Хью, сидели на видном месте. Не снимали котелков с головы, курили сигары, топали ногами и стучали тростью по полу, не давая, Премьер — министру сосредоточиться и спокойно произнести речь. Отец Уинстона, Рэндольф Черчилль в своей биографии отмечал — Позже они иногда проявляли возмутительность в своих парламентских манерах, и критики окрестили их Хьюлиганами или хулиганами. После падения консервативного правительства в 1905 году, выживший The Hughligans стал ожесточённым противником Бальфура (лидера консерваторов), которого они считали недостаточно воинствующим в оппозиции к Либеральному правительству Герберта Генри Асквита, Премьер-министра Великобритании. Хьюлиганы наиболее известны своим инцидентом в июле 1911 года, во время конфликта из-за реформы Палаты лордов, когда Сесил и Смит организовали разрушение Палаты общин, не давая Герберту Асквиту выступать одному в течение получаса. Этот инцидент смутил Бальфура и ускорил его уход с поста лидера Консервативной партии, что и было намерением Хью Сесила.

На других членов парламента самое сильное впечатление производило то, что «хулиганы» образовали нечто вроде «суперклуба».

Обычно группа собиралась в четверг вечером в гостиной у Хью Сесила, но случалось, что они отправлялись на уик-энды в Бленхейм или какой-то другой аристократический замок. Консуэло, графиня Мальборо, описывала эти «хулиганские ужины» в Бленхейме, которые затягивались до глубокой ночи из-за увлекательных выступлений Уинстона. «Хулиганам» также нравилось бросать вызов наиболее реакционно настроенным представителям аристократии, и она была не прочь понаблюдать, как молодые «хулиганы» сотрясают кресла, в которых восседают члены партии тори. Чтобы заявить о своей политической независимости, молодые «хулиганы» несколько раз встречались с прежним либеральным Премьер — министром лордом Роузбери, иногда проводя уикенды в его загородных домах в Суррее и Бакингемшире.

Что касается Хью Сесила, то он всё-таки стеснялся своих приятелей — «хулиганов», достаточно вольно толкующих представление о гостеприимстве. Черчилль говорил, что их друг испытывал массу неудобств на светских вечерах из-за их выходок. Более того, щепетильный Хью очень часто вынужден был извиняться за «хулиганов» — Мои коллеги — с сожалением должен признаться — вели себя прескверно — писал он гостям. «Единственная разница между святым и грешником в том, что у всякого святого есть прошлое, а у каждого грешника будущее», писал о них Оскар Уайльд. Желая заварить кашу, покруче и как можно сильнее взбаламутить воду, Уинстон с большой гордостью распространял название кружка, который с его

лёгкой руки стал называться «хулиганами». Он убеждал своих друзей в группе, что они должны развивать в себе «бесценные для политика качества — жажду набедокурить».

Оказалось всё просто. Так шалят и развлекаются аристократы. Никаких насильственных действий начиная от рукоприкладства, или чего похуже мы не наблюдаем. Правильно пел незабвенный В. В.Высоцкий — Это всё придумал Черчилль в восемнадцатом году. Да, именно Уинстон Черчилль, был «энерджайзером» этой группы. Его смелость, воля и напор, в купе с именем своего друга дали возможность образоваться этому слову — The Hughligans. Только это произошло значительно раньше в 1900 году, чем слова выдернутые мной из контекста песни известного барда. А вот во что трансформировалось позже это слово, и какое значение приобрело, нам всем известно. Конечно, к семи смертным грехам оно не может иметь никакого отношения.

Что касается, Гарика ЗеБры, то моя «карьера» начиналась маменькиным сынком. Моя мама пыталась вырастить из меня «плюшевого мишку» — отличника, любителя классической музыки, театра и балета. Это соответствовало её представлению об аристократах и джентльменах, всегда совершающие правильные поступки. Ей удалось это лишь наполовину. Музыкальную школу я бросил под надуманным предлогом — я сломал стопу в дворовых хоккейных баталиях. Стопу, а не руку и бросил нелюбимую мной «музыкалку» на четвёртом году обучения. Эх, родная моя мама! Хулиганы зародились именно от аристократов и джентльменов с их обходительностью и утончёнными манерами.

Мой отец, хулиган, сын деревенского сапожника, был грозой колхоза Булаево, что в Казахстане, и всегда меня наставлял — Сынок, бей сразу с правой. Первым. Никогда не жди. Батя был для меня непререкаемым авторитетом. В семнадцать лет он ушёл добровольцем на фронт. Вернулся тяжело раненым и контуженным. Контузия сказалась. Мама рассказывала, что он ставил рядом с кроватью топор и среди ночи будил её — Гала, смотри он опять там стоит! После этого вскакивал с кровати, хватал топор и крушил абсолютно пустой угол комнаты. Жильцы архангельской коммуналки, конечно, всё слышали и сторонились его. Он был награждён многими орденами и медалями, но больше всего гордился только медалью «За Отвагу», которую получил за ликвидацию немецкого снайпера. На фронте их называли «кукушками», так как чаще всего они занимали позицию на деревьях, устроив там «гнездо».

С первого класса, в семь лет, мама мне строго-настрого запретила драться с дворовыми пацанами. Сказала — Если позовут один на один, говори — мама не разрешает! Надо мной все смеялись. Дразнили. Так продолжалось до одиннадцати лет. Я частенько ходил с «фингалом» под глазом. Мне «навешают», а я не отвечал. Потом я попал на стадион в городе Павлодаре, в Казахстане. Шли соревнования по боксу, и я записался в секцию. Мне очень повезло. Я ведь Везунчик. Я попал в руки мудрого наставника Рафаэля Гашевича Вахитова.

Было тогда такое общество «Трудовые резервы». Тренировались мы в зале профтехучилища. Оказалось, что папа передал мне по генетике — чувство дистанции и координацию. А также феноменальную реакцию. В секции, во время спаррингов, ребята мне говорили — Гарик, у тебя реакция как у кобры. В тебя хрен попадёшь, ты мелькаешь. Это приучило меня бить из не стандартных положений и посылать кулак под разными неожиданными углами. В секции мне поставили удар. Лучше всего получался левый боковой. Тренер меня год не выпускал на ринг. Мудрый был человек. Боялся за меня. Рафаэль Гашевич, позже, возглавил сборную общества «Трудовые резервы» Казахстана. Я тоже достиг определённых высот и вышел в «большую» жизнь через дворы, кое с каким опытом. Я намеренно, не буду останавливаться на вопросах, как пригодились мне в дальнейшем эти навыки. Кому интересно, о некоторых случаях я подробно писал в своей книге «Фрактал. Осколки». Здесь же остановлюсь на одном происшествии, да и то, по другой причине.

Был у меня дружок, Миша Зиллер. Здоровый такой парняга. Амбал, так раньше мы называли таких. Кучерявые рыжие волосы, голубые, вечно смеющиеся глаза, бездна юмора и под-

колов. Метр девяносто ростом и сто десять килограммов весом. Мишаня работал в самом центровом месте города Москвы — «Парикмахерская N1», что напротив Центрального Телеграфа, на улице Горького 4, ныне Тверская с тем же номером дома. Сейчас здесь салон «YVES ROCHER». Зиллер был мастером от Бога, имел «Золотые ножницы» — престижную премию Европейского конкурса парикмахеров. Их миниатюрная копия красовалась на его халате. Записаться к нему на стрижку или укладку было практически нереально. Мишу знала и обожала вся модная тусовка столицы. На противоположном конце большого зала, мужского отделения, работал его друг, худенький и стройный, кучерявый и тоже рыжий Мишка Цвейман. Юморист и балагур, каких ещё поискать. У Мишани Зиллера было хобби. Ходить вечерами по ресторанам и драться. То ли руки у него продолжали чесаться после работы, то ли силы оставалось много после трудового дня, возможно хулиганские гены гуляли по Мишкиной крови. Не понятно. Иногда и меня он приглашал на свои хулиганские выходы.

Как то, поздним вечером, я приводил свою «голову» у него в порядок. Сделав укладку, он подмёл пол у кресла от остатков моей шевелюры и молвил — Гарик, дружище, давно не виделись. Приглашаю тебя поужинать в «Белград-2» на Смоленке. Там и девочек «снимем».

Шёл декабрь 1979 года. Страна готовилась принять XXII Летние Олимпийские игры 1980 года. Масса иностранцев прибудет в столицу. В преддверии игр в Москве бурно расцвела элитная проституция. «Ночные бабочки» облюбовали валютные бары и дорогие рестораны, где отдыхала избранная публика. Таких девочек называли на итальянский манер — «путаны».

— Я как юный пионер всегда готов! — отозвался я.

— Но, сначала заскочим в кафе «Ли́ра» к богеме и набьём кому-нибудь рожу — предложил Мишаня. Я был не против. Меня ещё держала своей железной хваткой тоска, по недавней несостоявшейся свадьбе с «Финикийкой» и требовала выхода (об этом ниже). Я тоже был не прочь найти приключения на свою ту самую точку, на которую сажают, когда «выключают» свет в драке или на ринге. И мы двинули в «Ли́ру».

Знаменитое на всю Москву кафе «Ли́ра» находившееся на углу Пушкинской площади, через двадцать пять лет уступило своё место первому в стране «Макдональдсу». Пик популярности кафе пришёлся на 1970 годы, времена хиппи. Простой интерьер и скромное меню, но главным, что привлекало молодёжь, был бар, где предлагали различные коктейли. Тогда это было в новинку. Самым легендарным был коктейль «Шампань-коблер».

Перед входом в кафе «Ли́ра» всегда стояла длинная очередь. Часто места в зале были, но на входе стоял суровый швейцар дядя Костя, осуществляющий фейсконтроль. Последний обычно преодолевался с помощью рубля, который моментально скрывался в его лапе. «Машина времени» отразила эту традицию в своей песне «Кафе Ли́ра». В кафе частенько случались потасовки и драки. Играла «живая музыка». Здесь же снимали один из эпизодов культового сериала «Семнадцать мгновений весны», где к Штирлицу пристаёт подвыпившая дама-математик. Здесь оборвалась карьера талантливого боксёра дважды чемпиона Европы (1965, 1967 годов) Виктора Агеева. В 1968 году за драку в кафе он был исключён из сборной СССР и лишён звания мастера спорта, позже угодил на четыре года в тюрьму.

Вот в это кафе мы и двинули с Мишаней искать приключения. Дядя Костя, не взяв с нас входной таксы, подобострастно и услужливо распахнул перед нами стеклянную дверь заведения. Дело в том, что его сын регулярно пользовался услугами Миши Зиллера. «Золотые ножницы» приносили дивиденды всегда и везде. Мы напрямиком направились к барной стойке. Взяли по модному коктейлю и Мишаня, взглядом хищника, стал высматривать добычу. Вскоре он увидел, как трое, принявших на грудь уже не одну дозу горячительного, пристаёт к четверым сидевшим за столиком парням и девушкам. Неспешной походкой царя зверей, обладатель «ножниц» приблизился к ним и бросил, небрежно через губу — Могу я вам быть чем-то полезен?

— Давай вали отсюда фраерок — послышалось в ответ.

— Без проблем блатота, но только вместе с вами. Жду вас у писсуаров в туалете. Мы направились в заведение первыми. Вошли. Миша сразу встал за входной дверью, которая открывалась вовнутрь. Я расположился у кабинок. Через минуту дверь распахнулась и первый из вошедших, увидев меня, произнес — А где же сам герой? Мочится от страха? Тут подошли остальные. Когда третий из хулиганья переступал через порог, сто десять килограммов Мишиного веса перешли в кинетическую энергию его ноги, которая захлопнула дверь, сметая с пути последнего из троицы. Раздался звук упавшего тела. Двое наших визави оторопели. Дальше всё произошло на третьей космической скорости. Мишаня, воспользовавшись замешательством, со всей дури врезал ближайшему к нему ногой в пах. Раздался вопль и «боец» повалился на пол. Заводилу мы били вдвоём. Сильно и больно. Через пять минут мы не спеша покинули поле «битвы», сказав на фейсконтроле — Дядя Костя, распорядись, что бы прибрали в туалете. Мы там немного наследили.

Поймали «мотор» и помчались в «Белград-2», в ресторан. Перед входом в заведение на площадке второго этажа стояли и курили две «путаны». Они смерили нас оценивающим профессиональным взглядом, каким выбирают в магазине одежду, висящую на плечиках. Улыбнулись и отвернулись, продолжая говорить о своём. В «шумном зале ресторана» не было шумно. Оркестр ещё не начал свою работу. Это было солидное заведение, с соответствующей публикой. Конечно, к нам тут же подлетел, как ангел на крыльях, метрдотель.

— Мишенька, дорогой! Не балуешь нас, не балуешь.

— Валера, коплю на иномарку.

У моего товарища был принцип — Понтов не жалеть. Бабки попридержать.

Нас усадили за козырный стол, с которого тут же исчезла табличка «Забронировано». Заказав бутылку армянского коньяка «Арагат» и закусок мы стали осматриваться по сторонам. Рядом с нами расположилась странная компания. За составленными в ряд четырьмя столами сидело двадцать крутого вида пацанов. Все в чёрном и одна красивая девчонка. С братвой всё было понятно. Это они. Но причём здесь эта красотка? В это время нам с большой помпой принесли закуски и две икорницы с красной и чёрной икрой. Метрдотель со сцены объявил — Михаилу и его другу, презент от ресторана! Соседний стол разом обернулся и оценивающе посмотрел на нас. Мы стали ужинать. Через полчаса заиграла музыка, народ стал потихонечку выходить на танцпол. Мы уже осушили полбутылки и не заметили, как красотка подошла к нашему столику. Она стояла и сверлила меня своими зелёными глазами с накладными ресницами.

— Пригласите даму танцевать! Я оторопел. Посмотрел на Мишаню. Он тоже был удивлён. Мы переглянулись. Я медлил, оценивал последствия. Зеленоглазая, видя моё замешательство, продолжала

— Это братва из Магадана. Отдыхаем. Мой брат — за старшего. Проблем не будет.

Когда мы шли с ней танцевать, вся братва смотрела на нас. Я понимал, что пятна крови мальчуганов из «Лиры» на моих серых брюках видны с любого ракурса.

— Как тебя зовут? — прошептала мне в ухо, зеленоглазая, плотно прижавшись ко мне в танце.

— Гарик я.

— Ух-ты! С таким именем у меня ещё пацанов не было!

— А ты что их коллекционируешь?

— Это моя слабость. В Магадане холодно. Нормальных мужиков нет. Или шахтёры или алкаши или сидельцы. Ну и бандюганы, конечно.

— Да, выбор у тебя не велик! Тебя как зовут?

— Любонька. Как Любу Успенскую. Как ты вошёл сегодня, я сразу поняла, ты мой сегодня.

— Вот так прям сразу?

— Завтра вечером мы заканчиваем гастролы и возвращаемся. Опять холод, темень и грязь. А откуда у тебя кровь на брюках?

— Пока ехали сюда на дороге авария. Помогал вытаскивать пострадавшего из машины — соврал я первое, что пришло на ум.

— А врать Гарик, ты не мастер. У тебя брызги крови. Это изо рта или носа, когда кого-то бьют руками или ногами. Кроме того, у тебя на левой руке сбиты костяшки пальцев.

— Ну, ты и фантазёрка! А сам подумал — Глазастая!

— Танцевать мы больше не будем. Танцевать — только время зря терять. Пообжимались и хватит. Я сейчас съезжу, поменяю сапоги и ещё кое-что. В двенадцать ночи, куда мне к тебе приехать?

— Вот это скорость принятия решений — подумал я.

— Метро «Чистые пруды». Буду ждать у выхода, где разворот трамваев.

— Хорошо, сладенький. И она легонько укусила меня за мочку уха.

— Да, дружка с собой прихвати. Бог любит троицу!

Музыка смолкла. Я проводил её за стол к братве. Поблагодарил за танец. Никто даже глазом не повёл. Сел к себе и рассказал всё обалдевшему Мишане.

— Гарик, это кидалово. Команда «Динамо» в полном составе. Давай поспорим на флакон «Арарата».

Мы ударили по рукам.

— Дружище, я всё равно там живу в гостинице Постпредства Казахской ССР. А ты со мной прогуляешься. Воздухом перед сном подышим. Полезно, говорят.

Мы допили бутылку. Поболтали и не заметили, как наша фея удалилась. Через полчаса, захватив три бутылки шампанского, мы отчалили в пункт назначения. Посольств союзных республик тогда не существовало. Были Постоянные Представительства. Приезжая в столицу, я всегда останавливался в ведомственной гостинице Постпредства Казахской ССР по адресу Чистопрудный бульвар, 3А. Трёхэтажное здание, пряталось за красивым частоколом вечно-зелёных елей. Внутри гостиница было выполнена в стиле итальянского дворика. Всё очень стильно. Я частенько прилетал в Москву, работать в диссертационном зале Ленинской библиотеки. Все администраторы гостиницы были мною «прикормлены», знали, что я холостяк и с особым пиететом отношусь к женскому полу. Меня всегда ждал одноместный номер.

В полночь мы с другом встали на часах у выхода из метро «Чистые пруды». Начало декабря. Сыпал лёгкий снежок. Выпитый час назад коньяк, потихоньку покидал организм. Подмораживало. Наконец наша фея появилась. На ней были классные двухцветные сапоги для верховой езды. Она взяла нас под руки, как старых знакомых, и мы направились к моему убежищу. Конечно, маленький одноместный с узкой односпальной кроватью был тесноват для нашей компании. Первая бутылка шампанского пошла на ура. Вторая разбредила нашу фантазию и возбудила. Была использована вся площадь номера. Включая санузел. Кувыркались до утра. Допив третью бутылку «шампуня» мы усталые уgomонились и завалились бочком, прижавшись как селёдки в банке, друг к дружке, на узкой кровати. Засыпая, зеленоглазая фея в сапогах для верховой езды молвила — Гарик, знаешь, а у тебя сладкая сперма! Мишаня задышал чаще, сдерживая смех.

Через три дня я возвращался в Алма-Ату, в свою альма матер. Заскочил привести волосы в порядок к Мишане на Горького 4. Владелец «Золотых ножниц», смывая шампунь с моей головы, прокричал через весь большой зал парикмахерской своему компаньону-хохмачу Мише Цвейману

— Мишустя, ты в курсе, что у Гарика член как дыня?

— Что такой большой?

— Да нет, такой же сладкий!

Весь зал взорвался от хохота. Это было цунами смеха. Я сидел красный как рак.

Через три месяца я снова был в стольном граде. Первым делом позвонил Мише. Вместо весёлой трели моего друга, я услышал мычание, всхлипывания и хрипы. Разобрал только — Приезжай. Я рванул на Динамо, где он снимал квартиру. Когда открылась дверь, я содрогнулся. Огромное опухшее лицо разных оттенков радуги, преобладали цвета — от сине — черного до малинового. Вместо глаз щёлочки. Огромные растрескавшиеся надутые губы, готовые лопнуть, передних зубов нет. На подбородке и над левым глазом свежие швы. Мишаня шепча сквозь выбитые зубы, распухшим языком поведал, что в ресторане «Арагви» нарвался на двоих с кастетами. Теперь, пищу и воду принимает через коктейльную трубочку.

Я сбегал в магазин и аптеку и принёс другу всё необходимое. Затем отправился в Храм Покрова в Филях или «Нарышкинское барокко», получившего своё название по фамилии заказчика первого подобного храма. Поставил множество свечей, заказал сорокоуст за здоровье. Долго стоял на коленях перед образами у алтаря, молился и каялся, просил прощения у Господа нашего Иисуса Христа. Бил поклоны и благодарил Всевышнего, что меня не оказалось в тот вечер в ресторане рядом с Мишей.



Гарик ЗеБра и Жан Клод Ван Дам

На этом, мои эксперименты по поиску приключений завершились. Да и Михаила тоже.

Хулиганы это не только драки, потасовки и поножовщина. Это, прежде всего образ мыслей, манера поведения и разговора, натура человека и если хотите — смысл жизни. Только имея в характере стержень бунтарства, нестигаемого бойца, можно чего-то добиться в жизни. Это как из старого анекдота. Армянское радио спрашивают — Чем отличается фаллос от жизни? Ответ — Жизнь жёстче! Вы замечали, что забияки, задиры и хулиганы как правило, небольшого роста и не выдающегося телосложения, так как главное не это, а Дух. Дух бойца и победителя, Дух вожака и Дух лидера. Мой знакомый, звезда голливудских блокбастеров

Жан-Клод Ван Дамм, спортивный боец, супер накачанный, а, по словам его телохранителя, в драках себя не показал.

Всегда побеждают духовитые. С годами, у некоторых духовитость может уходить. Тяжким грузом наваливаются года и болезни, проблемы и трудности. Но есть стоики, чья жизнь сломить не смогла, как не пыталась. Они как старое виски, коньяк или вино, с годами только крепчают. Да, разбитые суставы болят и ноют ночами и в непогоду, но Воля не даёт угаснуть факелу жизни. Он не гаснет, не слабеет, не колышется на ветру. Приходит время, и он просто разом прекращает эту гонку с жизнью, судьбой и небесами. Но, те на кого этот огонь, смог оказать влияние, ещё долго вспоминают о нём, хранят в своём сердце и приводят в пример детям и друзьям.

Пожалуй, наиболее характерным отличием хулиганов, особенно в стадии становления этого движения была да и есть, по сей день — кепка. Или кепи, кому как нравится. Впервые она упоминается в первой половине XIX века. Кепка (фр. Кері, швейц. — нем. Каррі, от лат. Сарра — головной убор) — форменный головной убор с широким и плоским козырьком, твёрдым околышем, мягкой тульей. Была предназначена для ношения во время походов и нестроевой службы. Но, нас интересуют кепки восьмиклинки. Этот стиль зародился несколько позже, в конце XIX столетия. В России она сразу приглянулась разносчикам газет, беспризорникам, мошенникам и хулиганам, чья жизнь была непредсказуемой, связанной с опасностями. За что и получила прозвище кепка-хулиганка, которое за ней прочно закрепилось. Такую кепку носил вождь мирового пролетариата Владимир Ленин. Хулиганы и бунтари всего мира полюбили этот фасон. Владимир Высоцкий и Дэвид Бэкхем, Гарик Сукачёв и Джонни Депп, Адриано Челентано, Сергей Есенин и Джейсон Стетхем. Список можно продолжать...

Эту главу о хулиганах хочется закончить словами известного учёного академика Петра Капицы — В любом деле, будь то физика или война, самое главное быстрота и натиск, которые обеспечиваются смелостью и решительностью.

Лучше не скажешь. Это точно, как и при любом столкновении.

Я не хулиган и никогда им не был. Моё жизненное кредо другое. Но, кепку-хулиганку начал носить давно, ношу и сейчас и буду носить всегда. Чёрт, сидящий во мне, так и не смог выбраться наружу. Но это я уверен к лучшему.

Мажор

Машины не было. Таких машин собиравших вахту было три, они все ходили по разным маршрутам. Минуту назад, когда я одетый стоял у окна квартиры на втором этаже и поджидал её, она была, точнее, затормозила у моего дома по улице Крупской дом 84, города Павлодара, что в Казахской ССР, а когда я выскочил на улицу, её уже не было. Я почувствовал только ветер, который забрал с собой пыль с мостовой, прихватив и жёлтые опавшие листья, что бы сбросить их где-нибудь за углом. Конец сентября. Шесть сорок пять часов утра. Мой первый рабочий день в должности начальника смены станции (НСС) ТЭЦ-3 не задался. Я как руководитель смены должен был сидеть в кабине рядом с водителем, ведь без меня смену вахты принять не возможно. Причину, что виновником случившегося, стал Николай Матвеев, я понял днём позже, а пока стал ловить попутку. До электростанции, которая располагалась за городом, было более двадцати километров. Гаджетов тогда не было, даже обычные телефоны, с вращающимся диском для набора номера были редкостью, как и такси, которое надо было заказывать заранее накануне, как минимум за сутки. Через сорок минут мне повезло. Я «поймал» частника, ехавшего в том же направлении на строящийся химкомбинат. Он гнал, как мог, и я еле успел к приёмке смены на главный щит управления станции. Разбираться с машиной было некогда. Надо было принимать у НСС Юры Костюкова, отрубившего ночную смену, управление режимным объектом, каким является любая электростанция снабжающая электричеством не только жилой сектор, школы и детсады, учреждения и промышленные предприятия, но и воинские части, оборонные объекты и тюрьмы. То есть абсолютно всё. Как говорил дедушка Ленин — Коммунизм, есть советская власть, плюс электрификация всей страны. А он зрел в корень!

Мой папа был областным руководителем крупной структуры, депутатом, членом бюро обкома КПСС. Одним из тех, кто руководил этим городом и влиял на его экономику. Я, Гарик ЗеБра, был единственным сыном в семье. Как сказали бы сейчас, я был мажором местного Павлодарского розлива. Тогда такого понятия как мажор не было, но положение вещей это не меняет. После окончания Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, по специальности инженер-электрик, я получил распределение на ТЭЦ-3. ТЭЦ-3, новейшая электростанция Павлодарского районного энергетического узла, самого крупного энергетического узла в Казахстане, самая современная станция в городе и области, но в строй была введена пока только её первая очередь. Теплоэлектроцентр располагалась между нефтехимическим и картонно-рубероидным заводами и была пущена в строй 2 октября 1972 года. Были введены в эксплуатацию три котлоагрегата БКЗ-420-140 и три турбины: Пт-60-130/13, Т-6-35 и Т-100/120-130-3.

Итак, я принял свою первую смену в должности начальника смены станции (НСС) и уселся в столь важное и желанное для каждого энергетика кресло на Главном Щите Управления (ГЩУ). На ГЩУ также находилось рабочее место начальника смены электрического цеха, его занимал Вася Артемьев и щитовая или как принято сейчас менеджер ГЩУ Оленька Амвросьева, которую впоследствии все мы стали называть «мама Оля». Она прекрасно пекла пироги, ватрушки, кулебяки и другую домашнюю выпечку. Все кулинарные изыски «мама Оля» приносила с собой на смену и потчевала нас. За эту заботу она и получила от нас своё прозвище.

Посменная или вахтовая работа строится на всех электростанциях одинаково: две смены с 08.00 до 16.00, две смены с 16.00 до 24.00 и две ночные смены с 24.00 до 08.00 утра, затем двое суток отдых и снова в бой.

В дневную вахту работы не много. Правда, если нет планового останова в ремонт турбины, котлоагрегата, питательного электронасоса (ПЭН), одного из двух конвейеров топливopодачи или другого оборудования, требующего допуска к разборке или сборке электросхем.

В мою первую смену в новой должности обстановка была спокойная. Вкусно пообедав в компании начальника смены электрического цеха и «мамы Оли», испечёнными ею пирожками с капустой и кулебяками с рыбой и запив всё это индийским чёрным чаем «Три слона», я расслабился. Вальяжно развалился в кресле и, закинув ноги на стол, стал вспоминать — как же я в неполных двадцать шесть лет дошёл до такой жизни.

Я начал с самых низов — с должности младшего электромонтёра. Работа тяжёлая. Бегать по огромной станции и собирать электросхемы. Это вам не паяльником орудовать сидя в комфорте за столом. Необходимо разъединять и соединять тяжелые выключатели, которые хоть и на колёсиках, но двигаются с трудом. Быть предельно внимательным, что бы схема была обесточена и везде развесить соответствующие таблички «Стоять высокое напряжение! Не включать!». Намаешься и прыг в прокуренную каптёрку без окон, под гудящие лампы дневного освещения. Оклемаешься с полчаса и снова собирать и разбирать всю эту историю. А в ночные смены извольте в цех топливоподачи менять электролампочки освещения конвейера. Вокруг в воздухе и на всём, что вокруг, угольная пыль. Длина цеха более ста метров и перегоревших лампочек надо сменить десятки. Перегорают очень часто, хотя и «живут» в защитных плафонах. Один конвейер стоит, а второй крутится, подавая уголёк в бункера дробилок котлотурбинного цеха. Приходишь в каптёрку весь покрытый, нет, не зеленью, а угольной пылью. До окончания смены душ принять нельзя — вдруг какая-то аварийная ситуация. Размажешь под краном водичкой черноту по фейсу и порядок. Вообще-то младший, как и старший электромонтёры получают эту работу после профтехучилища или техникума. Естественно после испытательного срока и сдачи экзаменов. Работа ответственная. Мой папа, чтобы не было пересудов, что двигают мажора вверх по крутой карьерной лестнице, поступил как всегда мудро. Он позволил своему товарищу Борису Иванову Генеральному директору «Павлодарэнерго» и попросил, чтобы меня пристроили в самый низ пищевой цепочки, что для такого понтаря как я, было ударом под дых.

Через полгода, сдав экзамены, я стал старшим дежурным электромонтёром станции и стал участвовать вместе с начальником смены электрического цеха в серьёзных переключениях при выводе или вводе в работу трансформаторов, генераторов, открытых распределительных устройств (ОРУ) и другого ответственного оборудования. Работа связана с риском и постоянным вниманием. Начальник смены электрического цеха зачитывает последовательность действий, из специального, как мы его окрестили, «талмуда» (инструкции), а это многостраничный документ с многочисленными подписями вышестоящих лиц и печатями. Например: «Отключить верхние контакты выключателя N12» и старший дежурный электромонтёр повторяет: «Отключаю верхние контакты выключателя N12» и затем производит действие. И так в течение полутора, двух часов. Такие переключения — долгая песня. Часто и опасная.

Мой друг и одноклассник по университету, Виктор Брызкун, после получения диплома был распределён на Павлодарскую ТЭЦ-1. Став начальником смены электрического цеха при одном из переключений попал в тяжёлую аварию. Необходимо было отключить токоограничивающий реактор — электрический аппарат, предназначенный для ограничения ударного тока короткого замыкания. Это довольно внушительное устройство. От него отходят шинные мосты, питающие электроэнергией находящийся рядом алюминиевый завод. Напряжение 10 киловольт, ток до 20 мегавольт ампер. Реактор перед отключением необходимо было заземлить. Следуя инструкции, Виктор открыл ворота ячейки реактора для осмотра. Рядом с ним находился старший дежурный электромонтёр и мастер, который должен был ремонтировать реактор. ТЭЦ-1 станция довольно старая, в ячейке скопилось высокая концентрация угольной пыли. При открытии ворот образовался сквозняк, густая угольная пыль поднялась в воздух. Произошёл пробой индукционных токов. Ослепительная вспышка. Хлопок. Взрыв. Угольная пыль вспыхнула. Все трое на мгновение ослепли. Одежда, как и каски на голове, загорелись. Три горящих ослепших факела заматались, на ощупь, пытаясь выбраться из огненной ловушки

наружу. Им повезло. Ремонтники, работавшие рядом, поспешили на помощь. Если бы не они, все трое сгорели бы заживо. Но ребята получили чудовищные ожоги.

Через несколько дней врачи разрешили мне навестить ребят. Я приехал в городскую больницу и рядом с палатой увидел сидящую на стуле жену Виктора. Она плакала. Врач меня предупредил, что зрелище не для слабонервных и просил меня настроиться. Я постарался. Вошёл в палату. Там были всего три кровати. На них и лежали пострадавшие ребята. У меня слегка подкосились ноги. На кроватях лежали три абсолютно чёрных обожжённых человека. Без волос, ресниц и бровей. Гноящиеся черепа, глаза и уши. Я не знал кто из них Виктор. Наконец на средней кровати глаза пострадавшего, слегка приоткрылись, и он сделал попытку приподняться. Я попытался изобразить бравый вид и улыбку. Шагнул к нему. Положил принесённые мной апельсины на тумбочку.

— Привет, Витёк — от волнения мой голос был с лёгкой хрипотцой — Ты, молодчага.

Я старался говорить какие-то слова, видимо, дежурные и получалась не очень. Виктор, всегда был серьёзным и умным парнем. Он понимал сейчас и своё, и моё состояние. Вкратце рассказал, как всё произошло. Я спросил:

— Чем могу помочь?

— Есть такое масло. Облепиховое. Дефицит. Если сможешь, достань.

Мы распрощались, и я рванул к отцу на работу, что — бы не терять время зря. Папа тут же принялся за поиски. Дело оказалось не лёгким. Павлодар, небольшой город в Казахстане, далёкий от центра с его возможностями. Даже со всем своим статусом и связями он только на третий день смог найти три небольшие медицинские склянки. Я их немедленно притаранил в больницу. Это спасло Виктору лицо. Я не знаю, как сложилась ситуация с двумя другими пострадавшими. У Виктора была долгая реабилитация. Он перенёс несколько операций по пересадке кожи. В то далёкое время носки и нижнее бельё обычно делали из синтетики. Конечно, оно всё расплавилось и вклеилось в кожу. Поэтому, моему другу брали кожу из неповреждённых мест и пересаживали куда надо. Что касается лица и головы, то благодаря свойствам облепихового масла кожа восстановилась, только поры первое время были неестественно крупными. Как ушко большой иглки. Со временем, они тоже пришли в норму. Восстановившись после аварии, Виктор через некоторое время перебрался под Ростов, где и продолжил работу на электростанции по специальности. Мы с ним на связи.

Прошло ещё три месяца. Я сдал очередные экзамены и стал начальником смены электрического цеха (НСЭ). Начальник смены относится к «Оперативным руководителям» — категории работников из числа оперативного персонала, его задачей является организация высокопроизводительной, ритмичной и безопасной работы теплоэлектроцентрали. Моё рабочее место теперь было на главном щите управления станции (ГЩУ), чем я очень гордился. Но, по-прежнему, ездил в кузове машины, которая собирает вахту и везёт на ТЭЦ-3. В кабине, рядом с водителем, восседал Николай Матвеев, начальник смены котлотурбинного цеха. Согласно проложенному маршруту, меня забирали последним. Я старался выйти заранее на улицу и там ожидал развозку. Забирался в кузов и устраивался на единственное пустовавшее место около заднего борта. В поездках под тентом в кузове авто, вместе с мотористами, лаборантами, слесарями было и преимущество. На меня сразу обратило внимание очаровательное создание. Оленька Нещадимова, лаборантка смены химического цеха и по «совместительству», дочь начальника смены цеха топливоподачи, Сергея Петровича Нещадимова. Её глазищи впивались в меня каждый раз, как я присаживался на своё место под тентом. Она всячески выказывала мне своё расположение но, во-первых, у меня был принцип — никаких связей на работе и во-вторых — её папаша был здоровенным и очень грозным амбалом. Мне не хотелось лишних проблем.

Работа начальника смены электрического цеха ТЭЦ-3, как и любой электростанции очень ответственная, напряжённая, требующая постоянного внимания. Вы вынуждены следить за

работой всех электрических устройств, аппаратов и агрегатов электростанции, большинство из которых находятся под высоким напряжением, сильными магнитными полями и токами. От вашей работы зависит самое главное в работе станции — бесперебойное снабжение электроэнергией всех её потребителей. Если в утренние и дневные смены приходилось проводить переключения, допускать ремонтные и наладочные бригады к оборудованию, включать в работу и выключать различное оборудование, то в ночные смены добавлялся осмотр кабельных тоннелей. Современная электростанция высокотехнологичный объект, входящий в тройку самых сложных, энергоёмких, ответственных предприятий. Объект имеет многоуровневую компоновку и охраняется специализированным вооружённым подразделением. ТЭЦ-3 раскинулась на нескольких квадратных километрах. Под землёй пронизана многокилометровыми кабельными тоннелями, соединяющими в общую электросеть все оборудование в пяти цехах — турбинном, котельном, топливоподачи, химическом и электрическом, с открытыми и закрытыми распределительными устройствами, которые выдают электроэнергию потребителям. Так же на территории находится насосная станция для подачи масла по маслопроводам на все вращающиеся механизмы: турбины, генераторы, мощные питательные насосы для подачи воды в котлоагрегаты и тому подобные механизмы. Всё это вращается, гудит, грохочет, вибрирует при высоких температурах и давлении.

В ночные смены, в четыре утра, когда сон валит с ног, я надевал каску и шёл в подземелье. Кабельные тоннели — это закрытое подземное сооружение, выполненное из железобетона с расположенными в нём опорными конструкциями для размещения на них кабелей и кабельных муфт, это бесконечная череда разветвлённых магистралей разделённых на отсеки как в подводной лодке. Высота прохода между кабельными конструкциями тоннеля 1,8 м, ширина прохода при двустороннем размещении конструкций в пределах 1,0 м. Мой рост 1,8 м, плюс каска, поэтому приходится идти всё время, согнувшись. Открываешь, дверь, затем закрываешь её за собой и идёшь по отсеку до следующей двери. Справа и слева на специальных конструкциях тянутся пучки кабелей большого сечения и высокого напряжения, их десятки, а под ними на колёсиках стоят выключатели. Всё это мерно гудит и потрескивает от статического напряжения. Моя задача — смотреть на исправность всего этого оборудования. Что — бы ничего не искрило и не дымилось. В каждом отсеке телефон прямой связи с Главным Щитом Управления Станции. В каждом отсеке аварийное противопожарное устройство — пеногашением. Не приведи Господь, чтобы оно включилось пока вы в кабельном тоннеле. Живым уже вам не выбраться. На обход части каналов уходит до трёх часов. Естественно, за одну смену все не обойти.

Минуло полгода, и я предстал пред «высоким жури». Главный инженер предприятия, все пять начальников цехов, инспектора по технике и пожарной безопасности «гоняли» меня три часа по всем интересующим их вопросам и тестам. Ура! Я стал начальником смены станции или попросту ночным директором. Главный щит управления — моя зона ответственности, как и бесперебойная работа режимного объекта. Это как капитан на мостике корабля. Каждую ночную смену, в 00.15 часов, перед отходом ко сну, директор ТЭЦ-3 звонит мне и спрашивает о состоянии объекта. Негласное прозвище у директора «чирок». Он был заядлым охотником, причём, предпочитал уток. Представительный, вальяжный мужчина, высокий, с брюшком и умными пронизательными глазами в тонкой золотой оправе. Что самое интересное, его нос имел форму сплющенного клюва, похожего на утиный. За страсть к охоте и форму носа он и получил своё прозвище. Ремонтный цех станции днём и ночью трудился над тюнингом его новенькой «Волги» Газ-21. Делая для авто, то новые обвесы, то хромирование, то растачивая цилиндры двигателя. Эту красавицу знал весь город.

В укромном уголке ГЩУ стоят под пластиковыми опломбированными колпаками, два магнитофона. Один запитан от стандартной электрической сети, второй от аварийного питания. Как только я поднимаю трубку, включается запись. Причём запись идёт, как при разго-

воре по городской, так и по внутренней связи. Все мои распоряжения персоналу имеют статус приказа и выполняются беспрекословно. Не просто обеспечить безаварийную и экономичную работу станции, исправное состояние оборудования, и всех вспомогательных устройств, соблюдение подчинённым персоналом эксплуатационных инструкций и трудовой дисциплины. Все мои распоряжения и работа оборудования фиксируются в оперативном журнале.

Видео камер тогда не существовало. В ночные смены, в 04.00 часа утра, я по старой привычке, выходил на осмотр рабочих мест. Ночью многие потребители «сбрасывают» нагрузку, станция работает в экономичном режиме, за всем следит автоматика. В первый же свой ночной обход я направился на щит управления котлотурбинного цеха, который находился от ГЩУ в ста пятидесяти метрах, на той же отметке + 12.0 м. Одна его стена полностью стеклянная выходила в турбинный зал, вторая обычная, кирпичная, в котельный цех. Я решил использовать фактор внезапности и вошёл в дверь со стороны котельного цеха. Поскольку в эту дверь регулярно входили машинисты котлов, слесари, обходчики, то на меня никто не обратил внимания. Четверо сотрудников оперативного персонала смены, сидя вокруг стола, начальника смены котлотурбинного цеха Николая Матвеева, резались в карты на деньги. Ещё трое «болельщиков», стояли вокруг стола. Играли давно. Кучка мятых купюр горкой красовалась на столе. Я на минуту оторопел. Затем прошёл к столу, сгрёб деньги и карты, рассовав их по карманам. Воцарилась немая сцена из гоголевского «Ревизора». Бросил через плечо — Матвеев зайдите на главный щит. Матвеев не спешил, пять лет в «местах не столь отдалённых», куют выдержку. Он был «тёртый калач». Множество наколок украшали его руки. Появился через полчаса. Мне без малого двадцать шесть, а ему почти сорок пять. Он видимо решил, что молоденький пацан, мажорик, будет жаловаться директору. Матвеев, только что, совершил серьёзное правонарушение на режимном объекте. Но, у меня, в голове, был другой план.

— Оленька, — обратился я к своему секретарю, щитовой ГЩУ «маме Оле».

— Возьмите, пожалуйста, у начальника смены котлотурбинного цеха Николая Матвеева объяснительную записку и приобщите к ней карты и деньги. Сказав это, я в радужном настроении, покинул главный щит управления станции. Во — первых, он вынужден писать объяснительную на моё имя, но молоденькой девушке, во-вторых, пересчитывать наличные и в третьих, всё это без моего присутствия.

Ночами, несколько смен, я не заходил с обходом на щит в котлотурбинный цех. Инспектировал цех топливоподачи и химический. Наблюдал как разгружаются эшелоны с углём, ведь топливо нашей станции — уголь. Дней через десять заглянул в вотчину Матвеева. Удивился. Ни его самого, ни ещё трех его «игроков» на месте не оказалось. На мой немой вопрос, старший оператор турбинного зала, Федя Пыжов, ответил — Видимо, где — то в цеху. Ни в котельном, ни в турбинном цехах я их не обнаружил. Три недели поисков по ночам. Наконец, мне пришла идея проверить маслonaсосную станцию. Она находилась на самом отшибе территории, такая мини «Чукотка». Окошко, в приземистом одноэтажном здании было занавешено. Это укрепило мои подозрения. Открыв ногою дверь, я ворвался в маленькое помещение, где рокотал один из двух огромных насосов. За вторым, стоящим в резерве, я их и обнаружил. Пока они играли, две мотористки, готовили им чай. В два прыжка я оказался у ящика накрытого газетой, где и происходила «баталия». Сгрёб добычу и снова пригласил Матвеева к себе в «гости». Теперь начальник смены котлотурбинного цеха не заставил себя ждать. Только меня уже на месте не было. Я отдал «улов» и распоряжение «маме Оле» и удалился. Теперь компромат составляли две колоды карт и серьёзная сумма наличных. Для Коли Матвеева дело «запахло керосином».

Время шло. Как обычно, я забирался в кузов машины под тент, возле заднего борта, там меня уже ждала Оленька Нещадимова. Она поменялась местами с мотористкой Катей и теперь сидела подле меня. Всю дорогу она, что-то мне рассказывала, пытаясь завладеть моим вниманием. Щебетала. Я был не преклонен, и бывало, резковато ей отвечал. Она дулась. И

вот однажды летом, перед окончанием дневной смены, мне звонит начальник смены химического цеха Любовь Николаевна Воронцова и просит меня срочно подойти к бакам запаса подпиточной воды. Это два огромных резервуара более 1500 кубометров, высотой более десяти метров, куда поступает вода после установок водоподготовки и по мере работы расходуется на подпитку котлов или теплосети. Когда я подошёл, вокруг уже собрались зеваки. Наверху бака сидела, обняв коленки, Оленька Нещадимова. Любовь Николаевна ввела меня в курс дела — Ольга просит вас наверх или иначе спрыгнет вниз, на асфальт. Тут же находился её отец начальник смены цеха топливоподачи Сергей Петрович Нещадимов. Мы поздоровались — Сергей Петрович, я сейчас поднимусь, навещу вашу дочь и уверен, что спущу её на бrenную землю. К вам будет большая просьба перевести её на работу в другую смену, так и до беды не далеко.

— Хорошо, Гарик, сделаю, только пусть спустится.

Я полез по ржавой лесенке на бак. Добравшись наверх, не стал взбираться на сам бак, чтобы не спугнуть Оленьку. Просто выставил свою голову над краем бака и радостно воскликнул — Привет! Милая, что же ты всё в кузове ко мне приставала. Станция большая, я регулярно совершаю обходы, бываю и в цехе топливоподачи. Надо было подкараулить меня, и мы бы обо всём договорились.

«Переговорщик» из меня ещё тот, я нёс всякую чепуху, которая в эту минуту, пришла в голову.

— Правда? — откликнулась Оленька. — Не обманываете?

— Сама посуди, в кузове наша смена, я только начал работу.

И всё в том же духе.

— Давай сегодня вечером на главной площади у фонтана в 19.00? Придёшь?

— Да, я буду обязательно!

— Значит до вечера!

С этими словами я протянул к ней руку и помог спуститься. Её отец тут же сгрёб беглянку в охапку и, не поблагодарив меня, увёл подальше от зевак. Больше я её не видел.

Прошло три месяца. Игрища прекратились. Все мои попытки поймать за руку Матвеева и его команду, не увенчались успехом. Вся смена котлотурбинного цеха по ночам была на своих рабочих местах. За это время ввели в строй третий котлоагрегат и третью самую мощную турбину Т-100/120–130–3. Поскольку станцию планировали расширять, то открыли ещё один тепловой щит по оперативному управлению второй очередью. К нему также был доступ из котельного цеха, через дверь. Второй со стороны машинного зала, где находились работающие турбоагрегаты. Мы их на сленге называли «машинами».

Мы все привыкли представлять кочегара или истопника котла парового отопления, например, как в фильме Павла Лунгина «Остров», где кочегара блистательно играет Петр Мамонов. Там герой орудует лопатой, кидая уголёк в топку. Котлы на ТЭЦ, это из другой оперы.

Что — бы не утомлять читателя и ему было понятно, что в реальности, представляет оборудование теплоэлектроцентрали, приведу только один пример. Котлоагрегат БКЗ — 420–140, Барнаульского котельного завода, это стальная конструкция высотой 49 метров, что сопоставимо с высотой двенадцати этажного жилого дома! Внутри сооружения гигантская топка. По высоте и по периметру топки, плотно одна к одной, уложены трубы, по которым циркулирует вода. Вода подогревается 6 огромными форсунками, в которые турбулентно, под давлением, вдувается угольная пыль или мазут. Вода нагревается и постепенно, по мере нагрева, горячая вода поднимается в барабан, который находится, на самой высокой отметке котла, где превращается в пар, который там перегревается там до $t = 565$ град С, при давлении почти в 140 атм. Толщина стенок барабана котла выполненного из высокопрочной высоколигированной стали составляет 12,0 см. Что бы понять, что это за температура и что это за давление расскажу,

как происходит устранение аварии при пробое главного паропровода. От котла отходит главный паропровод, который приводит во вращении турбину и генератор. При пробое паропровода, раздаётся страшный грохот, который слышен за 15–20 километров от станции. Мы его наблюдаем по приборам, но реально его увидеть почти не возможно. При такой температуре и давлении, пар становится перегретым и его практически не видно. Что бы определить точное место аварии и не пострадать при этом, поступают следующим образом. Слесарь надевает кирзовые сапоги, ватные штаны и фуфайку, затыкает уши берушами, сверху надевает наушники и каску с подшлемником, на руки толстые рукавицы. Берёт в руки длинные шест и, выставив его перед собой, идёт вдоль главного паропровода. Как только шест отбросило ударом пара, это место и есть место аварии, его перекрывают задвижками. Бывает, что при такой аварии, из-за высокой степени потребления электроэнергии и тепла конечными потребителями, нельзя остановить котлоагрегат. Во время описываемых событий на весь огромный СССР было только два сварщика, которые могли заварить такой свищ при работающем паропроводе. Причём, как правило, отверстие пробоя редко превышало игольное ушко. За сварным мастером посылали самолёт и оперативно доставляли к месту аварии.

Азарт! Азарт всегда берёт своё. Я был уверен, что застукаю их. В одну из ночей, по прошествии трёх месяцев, я обнаружил, что Николай и его команда играют на новом тепловом щите управления котлотурбинного цеха. Моё неожиданное появление через дверь из котельного цеха, закончилась неудачей. Она открывалась только изнутри или ключом снаружи. Второй проход был со стороны машинного зала. Расстояние и стеклянная стена щита управления не позволяли мне подобраться незаметно. Две ночные смены я думал, как мне их накрыть. Наконец план был готов. Это была опасная афёра. Я притаранил из дома кирзачи, в которых работал студентом в стройотряде. Надел, ватные штаны, фуфайку, каску с подшлемником и рукавицы, Лицо измазал сажей и прикрыл, на манер балаклавы, шарфом. Так ходили ребята из цеха топливоподачи при работающем конвейере, подающем уголь. Однажды, в ночную смену, рано утром, я забрался под кожух работающей турбины туда, где находятся впускные клапана высокого давления. Стоять под кожухом турбины было очень страшно. Даже не просто страшно, а страшно до жути. Слева за спиной, чуть выше уровня головы, мерно работал клапан высокого давления впуская пар, с температурой 565 град С и давлением 130 атм, из главного паропровода, в цилиндр высокого давления на лопатки турбины. Он работал с мерзким свистом, тоненьким таким змеиным свистом. Ощущение, скажу я вам, как в песне В.Высоцкого — И ужас режет души напополам! За моей спиной крутилась махина более 60 тонн весом, со скоростью 3 000 оборотов в минуту! Она передавала свою мощность на ротор генератора через муфту. Совокупность паровой турбины и турбогенератора именуется турбоагрегатом. За этим турбоагрегатом шла по пятам дурная слава. Хотя, конкретно, он был ни в чём не виноват. За десять дней до этого, мой начальник смены электрического цеха Вася Артемьев, заболел. Его подменил на три дня Саня Некрасов из другой смены. Мы его моментально полюбили. Балагур и весельчак, знавший множество анекдотов. Симпатичный, черноволосый парень с озорными зелёными глазами, 28 лет, окончивший наш университет. Поскольку турбоагрегат только накануне пустили в работу, а сделали это, как всегда, в авральном режиме, готовились встретить очередную праздничную дату, то при эксплуатации оказалось, что выходные короба высокого напряжения, которые идут от статора турбогенератора, строители забыли обнести ограждающей сеткой. На практике, эту зону, находящуюся под высоким напряжением обносят стальной сеткой, поверх которой укладывают асбоцементные плиты. Сетки не было. Что бы, никто не влез сверху и не провалился, на незащищённые от обрушения короба, Саня Некрасов пошёл вывешивать таблички «Стоять! Высокое напряжение!». Короба, это три полых медных фазы А-В-С трёхфазного тока, большого сечения, высокого напряжения 10,5 Кв, которые выходят из здания машинного зала и идут на трансформатор распределительного устройства. Когда он влез наверх и пошёл по асбоцементным плитам они проломились, и он угодил в токосъёмную

камеру генератора. Завыла сирена, турбоагрегат и котёл пошли в аварийном режиме на останов. Раздался страшный грохот, зашатались колонны стен машинного зала. Гидроудары главного паропровода. Ведь необходимо куда-то, срочно деть гигантское количество пара, котёл выдаёт его на гора 420 тонн в час! Почти война. Жуть! Я выскочил с главного щита и побежал к третьей машине, туда же бежал со своего рабочего места старший турбинист Федя Пыжов. В нос ударил сладковатый запах горелого человеческого мяса. Подбежав к турбогенератору, я трясущимися руками открыл замок на дверце токосъёмной камеры. На средней фазе «В» сидел как на коне обуглившийся чёрный человек. Точнее всё, что от него оставили гигантский ток и напряжение. С его ног, на бетонный пол, всё ещё стекало человеческое сало, образовав там большую лужу и распространяя жуткий запах. Даже каски не было. Она вплавилась в голову. Останки дымились. Меня замутило и вырвало. Федю вырвало тоже. Было ясно, что когда Саша провалился и оседлал фазу, произошло короткое замыкание на землю. В данный случай на бетонный пол. Была дневная смена. Примчались все, начиная от директора, главного инженера, начальников цехов, инспекторов по технике безопасности. Вопросы, вопросы, вопросы. Когда, все свидетели случившегося, были опрошены, объяснительные записки написаны и завершился предварительный этап расследования, мы с Фёдей Пыжовым по домам не поехали. Я послал «маму Олю» купить чегонибудь успокоительного. Она привезла три высоких красивых бутылки греческой «Метаксы». Спирос Метакса начал её производство в Афинах в 1888 году. Исторически напиток маркировался как «коньяк», затем как «бренди». Но сегодня он считается просто крепким алкогольным напитком. В те времена, как и любой импортный алкоголь, коньяк «Метакса» был дефицитным товаром. Где его раздобыла «мама Оля», за такой короткий срок, непонятно. С Фёдей мы устроились в комнате отдыха на главном щите управления. Мы были так потрясены случившимся, что пили коньяк гранёными стаканами как воду или чай, и по понятным причинам не закусывали. Мы в молчании выпили все три бутылки, и остались абсолютно трезвыми, только руки перестали дрожать. Такая вот приключилась история.

Царствие небесное тебе, Саня Некрасов.

Вот сейчас, я как раз и находился под кожухом турбины, этого самого злополучного турбоагрегата. От жары и страха я мгновенно вспотел. Я наблюдал за игроками через не плотно закрытую дверь короба турбины. Денег на столе было мало. Видимо игра только началась. Я стоял и медленно жарился в этой опасной бане. Пот струился от моего затылка по телу и скапливался в сапогах. Там начинало хлюпать. Я чувствовал, что пот уже доходит до косточек ступней. Я продолжал ждать. Примерно через полчаса, показавшиеся мне годами, я вышел, и с трудом сохраняя спокойствие, медленным шагом направился через временный мостик, который связывал новую турбину с основным пандусом котлотурбинного цеха, к тепловому щиту управления. Кто-то из них глянул на меня, на миг, оторвавшись от игры, но конечно не узнал в этом чумазом мужике, их начальника смены станции, всегда выглядевшим на все сто. Когда я начал сгребать карты и деньги со стола, в заранее приготовленный полиэтиленовый пакет, Матвеев не поднимая головы тихо, с угрозой в голосе произнёс — Верни на место. Иначе я отобью твои поганые лапы! Все посмотрели на меня. Я медленно стянул мокрый, прилипший к лицу шарф — Матвеев, через полчаса, зайдите, пожалуйста, на главный щит. Теперь Матвеев меня узнал. На лице начальника смены котлотурбинного цеха, отразилось мало сказать удивление, это был испуг, граничащий с ужасом.

Мне необходимо было принять душ. Я всегда ходил на работу с «иголки». Белая рубашка, выстиранная и накрахмаленная мамой. Чёрные брюки я гладил сам, и чёрные туфли. Это была моя униформа! Зимой при обходах, сверху надевал фуфайку.

После душа, в прекрасном расположении духа, я пил чай с травами, приготовленный заботливой «мамой Олей». Вошёл Матвеев. Прежнего куража, в его глазах, уже не было. Я положил на стол прозрачный пластиковый пакет набитый деньгами и второй с картами.

— Коля, пока я пью чай, у тебя есть время, написать свою последнюю объяснительную записку. На слове последняя, я сделал ударение.

— Время пошло.

Прочитав написанное, я скрепил все объяснительные записки написанные им ранее, с последней. Затем присовокупил к ним вещь доки и всё сложил в заранее приготовленный пакет. Делал всё медленно. Не спеша. Татуированные пальцы на руках у Коли мелко дрожали. На электростанциях довольно высокие заработки. Хороший социальный пакет. Работу начальника смены получить сложно. Плюс масса тестов и экзаменов, если переходишь на новое место не переводом. Экивоки закончились. Все козыри были у меня на руках. Довольный, я улыбался.

— Коля, как говорят в старом анекдоте «у меня два путЯ». Первый, отправить всё это в КГБ, куратору нашего объекта, а у нас режимное предприятие. Азартные игры на деньги, это статья. Плюс твоё занимательное прошлое. Будет не малый срок. Второй путь, всё это остаётся между нами. Я хочу сделать нашу смену лучшей на станции. И сделаю. Выбирай.

С Николаем мы поладили. Пожали руки. Выпили чайку с травами и разошлись. Пора было сдавать вахту сменщикам.

Прошёл год, с тех пор, когда машина, не дождавшись меня, укатила. Снова осень. Я стоял у окна и смотрел на улицу. Мимо проносились самолётики из жухлых осенних листьев, но на душе была весна и цвела сирень, наполняя душу ароматами счастья. Машина стояла под окном и ждала меня. Я выиграл эту битву у Николая Матвеева. Битву за мой статус, профессионализм и силу характера. Я знал, что Коля сидит на лавке в кузове под тентом вместе со всей вахтой. Вахта ждала своего босса. Я не спешил.

Через пару месяцев, моя жизнь сделала крутой вираж. Я поступил в аспирантуру при Энергетическом институте в столице Казахстана городе Алма-Ата. О том времени, о моей напряжённой и порой опасной жизни я подробно писал в своей первой книге «Фрактал. Осколки».

Часть вторая. Единственная

Начало

Первомайская демонстрация в СССР это всегда праздник. Всенародный. Для всех и для каждого. Этому способствует и расцветающая природа. Зелень наливается яркими красками. Первые листочки. Улицы, скверы и бульвары метут и поливают. Весенние дожди смыли всю грязь и почти закончились. Всё благоухает. Царит всеобщий подъём и веселье. 1973 год, маленький городок Павлодар в гигантском Казахстане, который в три раза больше Франции. Демонстрация, посвящённая празднику всех трудящихся 1 Мая. В то время не было необходимости кого-то уговаривать или силком заставлять идти на демонстрацию. В этот день в стране царило ликование, подъём, хорошее настроение.

Весь вечер и до полуночи вся семья лепила пельмени, это самое любимое угощение. Противни с оными ждали своего часа в морозилке, где рядышком примостилась, покрытая инеем «Московская особая» за 2р.87 коп. Да не одна. Ждали гостей. По ресторанам ходить было не принято. Сам праздник начинался именно с демонстрации. Нет её, и праздник не праздник. Народ, кроме разнообразных транспарантов типа: «Слава КПСС!», «Мир! Труд! Май!», портретов вождей и прочей атрибутики, брал с собой различные согревающие напитки, которые, конечно, не приветствовались властью, но без них, спрятанных в карманах плащей, пиджаков или брюк — никуда.

Это была неотъемлемая часть любого торжества в те дни.

Я немного запаздывал на построение. Поскольку транспорт в это время уже не ходит, приходилось на своих двоих навёрстывать километры. Несмотря на начало мая, день выдался прохладным: дул северный ветер, было сыро и влажно, термометр еле сдвинулся с нулевой отметки. Поскольку всех демонстрантов собирали заранее, боясь опозданий, и в результате чего не полных колонн, то всех просили придти заранее. Народ одевался соответствующе — с запасом. Когда я нагнал шествие нашего института, все почти были в сборе. Я оказался в начале колонны первых — третьих курсов Павлодарского университета. Перед ней формировалась колонна старшекурсников, куда я и направлялся. Я пересек улицу перед строем молодняка, мельком глянув на первый ряд, целиком состоящий из молоденьких симпатичных девочек. Оказавшись на противоположном тротуаре улицы, которую я преодолел, я уже собирался двинуть вперед, к своим, как в моём мозгу просто резануло — Ты, что совсем ослеп. Ты его сейчас потеряешь! — Кого? — мысленно откликнулся я, продолжая свой путь. Внутренний голос буйствовал — Да остановись, самовлюблённый болван и оглянись! Это твоё счастье! И хотя я знал, что у Валерки Садовникова, моего друга и одноклассника, в кармане плаща было припасено, но всё же, решил тормознуться и оглядеться. С левого края, в первом ряду колонны девочек, в двух шагах от меня стояло ОНО. ОНО зыркнуло на меня только секунду и отвело глаза. Мне этого хватило, что бы понять, что таких глаз как по размеру, так и по разрезу не было в моем рюкзаке опыта за спиной. Но главное цвет их и глубина. Её глаза были цвета фиников, но не тех фиников, что лежат на прилавках наших базаров и магазинов в виде наполовину слипшейся тёмно-коричневой массы.

Нет, ни о них сейчас речь. А о тех волшебных плодах виденных мною всего раз в жизни.

Однажды, по турпутёвке, я побывал в Тунисе. В этой Африканской стране, мне довелось отмечать Новый год, с одной из кандидаток на руку и сердце. Мы бродили по городу и оказались в Медине на базаре в старом древнем городке Сусс, основанном более двух с половиной тысяч лет назад. В 1988 году Медина Сусса внесена в список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО. Старый рынок Сук Аль Ахад приютился на «пяточке» среди аккуратных беленьких

домиков старого города. Чтобы попасть туда, вам нужно пройти по колоритной улочке Rue el Aqhalba мимо Большой мечети в сторону западной части Медины. Слева находится улица Rue d'Angleterre, ведущая на юг — к началу рыночного района. Тут я впервые и увидел это чудо. Плоды, вдвое превосходили те, к которым мы привыкли у нас на рынке. Они висели гроздьями как виноград над лавками продавцов. Были они тонкие и длинные, как пальцы скрипача и с очень тонкой кожей. Лучи солнца, попадая на них, пронзали их насквозь, и они становились прозрачными! Мякоть финика приобретала тёплый светящийся карамельный оттенок, который может создать только живая природа. Косточка высвечивалась внутри плода в мельчайших деталях, как зрачок глаза! Вот такие, согретые теплом солнца внутри, светящиеся карамельные глаза были у этой девочки. На незнакомке была бежевая меховая замшевая курточка, коричневая водолазка, вельветовые слегка расклешённые светло коричневые джинсы и тупоносые, как тогда было модно, на небольшой платформе осенние коричневые туфли. Во всём чувствовался стиль, шик и мода. Она была высока и стройна. Но что больше всего меня поразило, так это абсолютное, фотографическое сходство с Анастасией Вертинской. Я превратился в «соляной столб», окаменел, замер и только моргал своими ресницами-хлопушками, да тёр глаза кулачками, пытаясь отогнать наваждение. Я был почти уверен, что это Ассоль, из фильма «Алые паруса», по роману Александра Грина, каким-то образом проникла сюда. Пока я проделывал все эти манипуляции с глазами, объект тряхнул густыми каштановыми волосами, собранными на затылке в конский хвост и зыркнув на меня ещё разок, золотисто — финиковым взглядом, незаметно перебрался во второй ряд колонны за спины подруг. Сарафанное радио уже успело ей сообщить, что я за типчик, которого в наручниках, забирал городской отдел КГБ непосредственно из кабинета, Мирошника Евгения Ефимовича, ректора нашего ВУЗа. И как же ему «заразе», драчуну и возмутителю спокойствия всех девчонок института удалось выпутаться из этой истории? Но об этом после. А сейчас меня окликнули из нашей колонны. Валерка Садовников, уже почал бутылку какой-то красной бормотухи, и теперь меня ждала моя «доля». Оказывается это я, из-за самовлюблённости, несерьёзности и прочего наплевательства не знал, ЧТО это за студенточка такая есть в закромах нашего Храма науки. А весь ВУЗ знал! Это Елена Журова, студентка первого курса энергофака и папа у неё всего-навсего первый секретарь Павлодарского обкома Компартии Казахстана. Хозяин области и города. Так, что парниша, тебе не покатит — подумал я. Во первых, мои дорогие, в данном случае — это только женитьба. А это не входило в мои планы на данном отрезке моего исторического пути. Во вторых: с моей репутацией это уже из фокусов Эмиля Кио. Отпадает. Я выпил красненькой бормотушки. Тут же нарисовался оптимизм. — Нет таких крепостей, которые невозможно взять или штурмом или осадой. Карамельные глаза запали, впаялись, вклеились в мою душу. Я дошёл до такого абсурда, что решил, что финикийцы получили своё название именно из-за особого цвета их глаз. С того самого дня, с той самой минуты я потерял покой и сон. Я Сова. Раньше двух ночи не засыпал. Теперь сон исчез совсем, его украли карамельные глаза. С этой ночи я стал крутиться до рассвета, на своей панцирной одноместной койке, то заворачивая её, в тугой морской узел, то возвращая в исходное положение. Но наше с ней Время ещё не пришло. Ещё не был виден даже его горизонт. Мне оставалось два месяца до диплома, который как крокодил, заглатывал, почти не прожёвывая, всё моё время. Диплом я защитил. Но меня тут — же скопил туберкулёз. Эскулапы отмерили три месяца жизни. И, Баста. Но я не сдался. Почти три года лечения: сначала в Павлодарском городском тубдиспансере, затем в санатории в Крыму, вернули меня к жизни. Я выжил. Об этом я подробно писал в своей первой книге «Фрактал. Осколки». Все эти годы, как на большом цветном экране, эти финиковые глаза стояли передо мной. Они звали, манили и я ими грезил. Наверное, они мне дали, какой — то шанс на выздоровление, какую-то поддержку. Все остальные амурные дела пошли прахом в то время. Хотя я и пытался забыть эти карамельные глаза, а заодно и её. Это как у Владимира Высоцкого: «Куда мне до неё, она была в Париже...». Но время не остановить. Его шестерёнки вращались,

выполняя свою работу. Когда я, через три года, вернулся в родные пенаты после лечения, то новости меня сбили с ног. Её отца перевели в Москву. Теперь он заместитель министра авиационной промышленности СССР. Лена перевелась доучиваться в МЭИ. Финал пьесы. Занавес закрывается. Труппа на поклоны не вышла ввиду её отсутствия.

Но у Судьбы свои правила и своя игра. Я тогда не мог даже предположить, что впереди нас ждёт пьеса под названием «Единственная Любовь» и мы её главные действующие лица.

Сейчас, от этих воспоминаний моя Душа совсем сникла и скукожилась.

Единственная. В полёт

Меж тем жернова Судьбы нашей встречи с «Финикийкой», так её я стал мысленно называть, крутились очень неспешно. Три года я отдал лечению туберкулёза. После лечения, я вернулся в родное гнездо и три года отработал на ТЭЦ-3 в Павлодаре. Наше времечко с Алёной бежало незаметно. Но, глаза «Финикийки» я забыть не мог.

Отработав три года, я со всем своим производственным «багажом» поступил в аспирантуру Алма-Атинского Энергетического Института в столице Казахстана красавице Алма-Ате, о чём упоминал в первой своей книге «Фрактал. Осколки». Ректору института и нашему научному руководителю было не до нас. Наша научно-исследовательская лаборатория плазменных процессов обосновалась в трёхэтажном особняке на краю города. Заведующий лабораторией, кандидат физико-математических наук, Слава Мусолин родился с серебряной ложкой во рту. Сын академика, и зять тестя член-корреспондента АН Казахской ССР, был баловнем судьбы. Любил он красивую жизнь и докторскую писать не хотел. Стимула не было. Гулял бедолага. Мы, аспиранты, были в свободном полёте. Время для меня наступило поистине фантастическое, феерическое, интересное и насыщенное. Свобода, это главное. Так и хочется сравнить с фильмом Гая Ричи «Карты, деньги два ствола». Применительно к нам, реальность звучала, так «карты, пьянки и девчонки». Но, от Судьбы не уйдёшь. От неё не отстанешь как от трамвая. А если отстанешь, она притормозит и обязательно тебя подхватит. Судьба меня схватила за шиворот через 6 долгих и трудных лет. Однажды вечером в моей съёмной квартире раздался звонок. Звонили родители проверить, как делает «домашнее задание» на ночь их сынуля.

Сегодня меня ждал сюрприз. Папа обрисовал ситуацию — Гарик, тебе надо срочно ехать в Москву, Улица Горького, дом 43, квартира 100 и передать личный пакет с документами Журову Ивану Михайловичу. Он попросил меня, его сформировать. Я это сделал. Пакет и телефон тебе передадут завтра. Три дня на сборы хватит? Конечно — Радостно отчеканил я.

«Финикийка», с её карамельными глазами, как живая, мгновенно нарисовались в моём воображении. Я не стал ждать три дня. Получив пакет и долгожданный телефон, я рванул в аэропорт. Сумка с вещами была готова заранее. Я приготовил небольшой сюрприз. Купив билет и дождавшись, когда посадка в самолёт практически заканчивалась, я зашёл в телефон-автомат и набрал номер.

Секунды тянулись как часы. После третьего гудка трубку сняла Алёна. Я представился.

— Я в курсе, что вы должны прилететь завтра. У неё был звонкий голос, почти как у матери, Элеоноры Семёновны, к которому я привык на лекциях.

— Во сколько вас ждать? У меня каникулы, а родители днями на работе.

— Нет, завтра с билетами проблема. Буду сегодня у вас к 17.30 часам.

Часовая разница между Москвой и Алма-Атой +3 часа. Самолёт вылетал в 10.30 утра местного времени, плюс 04.20 полёт, час на такси из Домодедово. Тут же куплю цветы. В итоге буду у дверей максимум в 12.30 по московскому времени. Я успел на посадку последним и был уверен, что Алёна не в курсе разницы во времени, а значить у меня будет возможность сделать маленький сюрприз.

Стройная стюардесса, в голубой форме «Аэрофлота» и такого же цвета пилотке, из под которой выбивалась обесвеченная перекистью, туго стянутая, «гуля» волос, предложила — Минеральная вода, лимонад, вино, водка, коньяк? Я попросил двойной коньяк и откинулся в комфортабельном кресле ИЛ — 18. В 1976 году это был самый надёжный самолёт в мире. Если отказывали три двигателя, он продолжал путь на последнем — четвёртом. Я устроился в конце лайнера, в самом маленьком, третьем салоне. Народ его не жаловал — очень сильно болтало. Я же предпочитал. Здесь практически не бывало пассажиров и у стюардессы можно выпросить дополнительную порцию «бухла». Однажды мне крупно повезло. Я оказался один. И когда

симпатюлечка в голубой форме принесла мне выпивку, я предложил ей составить мне компанию. Сказал, что у меня день рождения. Очаровашка минуту была в сомнении, затем решилась. Она задернула матерчатые шторы салона и заколола их шпилькой для волос. Устроилась на соседнем кресле. Временем мы располагали. Всё закончилось страстным сексом на высоте 10 000 метров. Нас подогревало, что в любую минуту наша идиллия может быть нарушена. Кто-нибудь может войти. Перед посадкой поправляя форму, она чмокнула меня в щёку со словами — Звони, сладкий мой — сунула мне в карман бумажную салфетку с номером своего телефона. Вытащила из шторок салона наш замок — шпильку. И упорхнула. Да. Было дело...

Сейчас, я сделал пару глотков трёхзвёздочного грузинского и волнение улеглось. Включил мозги. Я не верил в такие совпадения. Иван Михайлович Журов стал заместителем министра союзного значения. У такого ранга руководителей есть фельдъегерская служба. Зачем, тогда сначала из Павлодара в Алма-Ату ко мне и затем я должен привезти пакет. Рассуждал я, включив логику. Значит, хотят видеть меня в первую очередь, а не пакет. Почему? Я откинул кресло и стал разматывать цепочку событий из прошлого...

У студентов была поговорка — «Сдал сопромат — влюбляйся. Сдал теоретическую механику — женись». Лекции по сопромату и термеху читала у нас Элеонора Семёновна. Но не под фамилией Журова. Служба КГБ настояла, что она как жена первого секретаря обкома партии должна, в целях безопасности, проходить в отделе кадров под девичьей фамилией. Поэтому только ректор и кадры знали, кто она на самом деле. С самой первой лекции я приглянулся Элеоноре Семёновне как смышлённый и трудолюбивый студент её трудного предмета. Она попросила меня пересест с последней парты, где я обычно обитал, на первую. Я был этому не очень рад, так как, бывало, прогуливал лекции. Рокировка на первую парту лишила меня такой возможности на два года. Она была строгим преподавателем с глубоким знанием предмета. Прогульщиков воспринимала как не уважающих её предмет и её саму. В процессе лекций общалась со студентами онлайн, проверяя, как усваивают материал слушатели. Мой язык был подвешен как надо, предмет я уважал за сложность, поэтому мы часто с ней дискутировали, бывало и спорили. Со временем я стал её любимчиком.

Среди студентов была традиция, выяснять отношения или из-за девчонок, или за слово, сказанное не там и не в то время, из-за понтов, не по теме или ещё по какой-то причине. Ритуал был отработан студентами предыдущих поколений и строго соблюдался. Двое уходили в «бойцовский клуб» или лобное место, находившееся за институтскими гаражами. Действо проходило до слова — «Хватит». Как правило, всё заканчивалось минут за пятнадцать. Тяжёлых телесных было мало. Только если девчонку никто не хотел уступать или оскорбление было прилюдное. В тот злополучный день мы хоронили моего однокурсника Сашку Гнусина. Он поехал провести бабушку в деревню. Зима, холодно. Выпил. Он человек городской, забыл открыть на ночь заслонку в печке. Угорел. Так и нашли его утром сидящим на кровати со снятым ботинком в руке. Второй снять не сумел. Запаянный гроб мы провожали с железнодорожной станции. Водки не оказалось. Пили неразведенный спирт. Сестра Сани — врач. Она и принесла. Погрузили груз 300 в товарный вагон и поехали на вечер танцев в институт. Была суббота. У нас в ВУЗе по субботам часто танцы. При входе в главное здание института я с кем-то сцепился. Двинули за гаражи. Визави оказался парень, что надо. Вошли в раж. Успели мы приложиться друг к другу прилично. Хорошо сторож подбежал. Разнял, пригрозив деканом. Во время танцев, кроме дежурных из числа студентов следящих за порядком, обязательно присутствует старший преподаватель, как правило, доцент. В этот раз выпало осуществлять надзор Элеоноре Семёновне. Обычно эта женщина — эталон скромности и культуры, одевалась со вкусом, но не дорого. В это раз на ней было тёмно бордовое вечернее платье с небольшим декольте, едва открывающее её роскошную грудь. Слегка седеющие тёмно-каштановые волосы были красиво уложены. Лицо украшали очки в очень тонкой оправе. Вот на неё, к моему неудовольствию, я сразу натолкнулся. Под глазом у меня была отметина. Правый рукав джемпера

надорван. Костяшки на пальцах рук сбиты. Правую руку я успел обмотать носовым платком. Я пытался спрятаться за спины стоящих вдоль стен ребят.

— ЗеБра! — Элеонора Семёновна меня всё — таки заметила.

— Я всегда предполагала, что вы многогранный человек. Чувствую, что к Бахусу успели сходить на лекцию! А вот на нашем вечере это не приветствуется. Как говорится до скорых встреч!

Спирт, который мы пили, прощаясь с Саней, дал о себе знать. Плюс никакого перекуса с самого утра. Я попробовал пошутить.

— Элеонора Семёновна, вы сегодня сногшибательно выглядите! Просто глаз не оторвать. Давайте что-нибудь медленное с вами станцуем! Приглашаю.

— ЗеБра, мы с вами обязательно станцуем, но не сегодня.

Она сделала вид, что не заметила моего нахальства.

— А сейчас, ступайте домой спать. Извинившись, я ретировался. Или попросту отчалил не солоно хлебавши.

Я нажал на зелёную кнопку вызова стюардессы на панели над сиденьем и попросил ещё двойной коньяк у появившейся стюардессы. Сделал полновесный глоток. Алкоголь взбудрил меня. «Мои мысли — мои скакуны... Обгоняя безумие ветров хмельных эскадрон моих мыслей шальных» вновь закрутился у меня в мозгу.

Утром меня впервые вызвали на аудиенцию к ректору Михаилу Евгеньевичу Мирошнику. Странно, подумал я, заходя в просторный кабинет. Разбор за выходками за гаражами — прерогатива декана факультета. Я оказался прав. Декан оказался не причём. Дверь за мной закрылась. «Ласты» мне мгновенно завернули. И я впервые ощутил холод металла на своих запястьях. Сзади меня стояла пара «гнедых», судя по выправке, конторские.

Мелькнула мысль — Впервые у ректора и сразу кандалы.

«Шалопай»

Ректор сказал напутственное слово — ЗеБра, я всегда хорошо к вам относился. Вы защищали честь института на соревнованиях, отличились в строительных отрядах, прокладывая ЛЭП. Но, в то — же время мне надоело читать докладные о ваших «подвигах» за гаражами, гулянках в общежитиях с девочками, прогулы лекций, отлынивания от работы по уборке картофеля и тому подобное. Он перешёл на — Ты. Отдаю тебя в надёжные руки. Пусть они тобой займутся. Может что-то путное у них получится. Меня погрузили в ГАЗ-69 и доставили в городское отделение КГБ. Дальше обычная процедура регистрации и камера СИЗО. Пока я был единственным обитателем апартаментов, с деревянными нарами и парашей в углу. Всё довольно чисто. Глаз радует. Свернув и положив свитер под голову, я прилёг на шконку и стал думать. Вообще думать это моё постоянное состояние. Тут я как рыба в воде. Даже во время домашнего обеда. Моя мама возмущалась, обращаясь к отцу

— Николай, Николай, посмотри на него. Он так с ума сойдёт и окажется в сумасшедшем доме. Хоть бы ты повлиял на него.

Мой папа — молчун только хмурился и улыбался в ответ. Он был абсолютно уверен в своём сыне, и знал, что «дурка» мне точно не грозит.

Первой пришла глупая мысль, что меня сдала Элеонора Семёновна. Но я её моментально отбросил. Я был её любимчиком. Наконец, после небольшого шевеления серым веществом понял, в чём дело. На третьем курсе мы с моим другом и одноклассником Валеркой Садовниковым решили создать клуб. Назвали «Шалопай». Как обычно всё началось невинно. Мы ходили в походы с нашими ближайшими товарищами, балдели, пили красное. Летом это была рыбалка, зимой лыжи. Стали потихонечку прибиваться к нам девочки с нашей городской центральной улицы. Ходили с нами в походы. Спали вповалку в палатках. Собирались и у Валерки дома и начали выпускать одноимённую стенгазету. Обычно на двух ватманских листах. С фотографиями наших весёлых приключений. С нашими пьяными рожами, балдежом и прочими весёлыми моментами. Снимал Валерка, он увлекался фотографией серьёзно. У него это отлично получалось. Вывешивали это творчество на стене первого этажа на видном месте в ВУЗе, где обычно тусуются студенты. Газета имела успех. Народ всегда толпился и гоготал у свежего номера. Летом мы ходили по «главной улице с оркестром». Босыми ногами, с орущим магнитофоном, бухлом в руках и девчонками на плечах. Девочки визжали, когда кто — то из носильщиков покачивался на нетвёрдых ногах. Прохожие нас сторонились.



Основатели клуба на лыжной прогулке

Дальше — больше. Народ к нам прибывал. Мы с Валеркой решили сделать клубные билеты. Всё чин — чинарём. Название клуба, фото, название Вуза, какой курс и группа. Подпись. То есть это было уже полноправное членство. Я увлекался музыкой. Записывал на магнитофон, не издававшегося тогда Высоцкого. Коллекционировал иконы. Собирал пластинки запрещённых западных рок-групп — The Rolling Stones, The Beatles, The Grand Funk Railroad, The Deep Purple.

Особенно мне нравился Мик Джаггер, солист The Rolling Stones. Когда он исполнял хит «Паук и Муха» (Spider and Fly), то выплёвывал слова нехотя, через губу, словно скорлупу от семечек, причём некоторые прилипали к его нижней губе, а он их сплёвывал. Это был шедевр. Я безумствовал. Создатели батареек Energizer несомненно взяли за прототип неуёмную энергию Мика, который без остановки на обед и сон пел перед многотысячной толпой, не забывая при этом бухать с утра до ночи, курить гашиш, нюхать кокс, сидеть на другой «дури», в промежутках трахать всё, что движется начиная от горничных номеров отелей и заканчивая утончёнными длинноногими моделями. Не брезговал и спариванием с мужиками, имел пятерых детей от трёх жён, снимался в кино и рекламе. Откуда у этого невысокого лохматого паренька столько энергии и внутренней силы? Не иначе он послан нам инопланетянами и вместо сердца у него не «пламенный мотор», а плазменный ядерный реактор на быстрых нейтронах. Пластинки, как они только не назывались тогда — диски, пласты, плиты. Мы обменивались ими, продавали, перепродавали. Одним словом потихонечку фарцевали. Постепенно «Шалопай» стали известны и популярны в нашем маленьком провинциальном городке.

Теперь я понял, почему я здесь оказался. Когда догнал — успокоился. Из всего нашего братства только у меня был крутой папа. Областной руководитель, депутат, член областного бюро Павлодарского обкома Компартии Казахстана. В 17 лет он добровольцем ушёл на фронт. Был тяжело ранен, контужен. К сорока семи годам имел два инфаркта. Когда здоровье давало о себе знать, уезжал на восстановление в Кисловодск. Последний пазл, в моих рассуждениях, встал на место. По теперешним временам я был бы мажором. Тогда же времена были суровые. Социалистические. Дисциплина и мораль превыше всего. Формирование нового человека. В

любом случае, я был для Комитета лакомым кусочком — раскрыта антиправительственная ячейка. Можно прокалывать дырки на погонах под новые звёздочки. Видимо Валерка и ещё кое — кто из наших ребят тоже были моими соседями по заведению. Жаль ни тюремную азбуку, ни азбуку морзе мы не знали. В раздумьях прошла ночь. Около семи утра меня разбудили и не дав позавтракать и как следует умыться дёрнули на допрос.

Следователь, капитан Коля Вилуп, девять лет назад сам был выпускником нашего университета. Затем школа КГБ. И вот он, сидя напротив, с надменной улыбкой превосходства смотрит на меня. Коля был широк в плечах, накаченные бёдра натягивали брюки так, что казалось последние, разойдутся по швам. Не знаю почему, но эта деталь бросилась мне в глаза. Он развалился на стуле, отодвинул его от стола и закинул ногу на ногу. Сразу давая понять, кто в доме хозяин. Я решил прикинуться серой мышкой. Капитан открыл ящик стола, достал запечатанную пачку сигарет. Распечатал её, снял не спеша целлофан, и протянул мне сигарету со сладенькой ехидной улыбочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.